

Наталья Баклина

Сделай мне ребёнка

Про любовь и обстоятельства

Наталья Баклина
Сделай мне ребёнка

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Баклина Н.

Сделай мне ребёнка / Н. Баклина — «ЛитРес: Самиздат», 2003

Когда тебе за тридцать, муж ушёл к другой, потому что та беременна, а своих детей нет, самое время задуматься - что в жизни не так? Но Натке задуматься некогда, слишком бурно развиваются события: новое начальство закручивает гайки, журналистская карьера зашаталась, случайные мужчины жаждут любви, внезапная командировка по области путает все планы. Может, стоит расслабиться, и просто принимать жизнь, как она идёт? Главное, вовремя заметить, где перепутье, и сделать правильный выбор... Сюжет книги перекликается с сюжетом романа "Веер с гейшами" Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Посвящается Галине Федченко.
Замечательной наставнице, которая научила меня
журналистике и честности в отношениях с людьми

События романа происходят в начале 2000-х годов, когда компьютеры были редкостью, мобильники – роскошью, а телевидение снимало на видеоплёнку. Сюжет романа выдуман, характеры списаны с реальных людей, настроение тех времён сохранено.

Глава 1

Сон в оказался руку. Даже не сон, а что-то вроде видения, эгрегор его разберёт, что такое! Про эгрегора она прочла в книжке, что ей попалась накануне. Книжка учила, как управлять своей жизнью, автор с броской фамилией, из тех, что сразу застревают в памяти, рассказывал, как остановить мысли. Остановить, чтобы ни о чём не думать, и тогда первое, что придёт в голову – подсказка и ответ на твой вопрос от некоего эгрегора. Ну, вроде как от ангела-хранителя, который и рад бы тебе рассказать, как жить дальше, да голосок его слабый теряется в той болтовне, что обычно у людей в головах крутится.

В то утро в гостинице Натка проснулась рано, заняться было нечем, ну она и потренировалась. Всё, как в книжке сделала: расслабилась, почувствовала в руках-ногах тепло и тяжесть и чтобы другие мысли вытеснить завела в голове шарманку: «Что меня ждёт через неделю, что меня ждёт через неделю?». Минут через пять внутреннего бормотания она впала в дремотное состояние, и тут ей картинка привиделась. Высокая лестница, ступени накрыты красной дорожкой, дорожка приводит наверх. Наверху – стол письменный. Из-за стола встает и уходит в сторону Нина Степнова, директор их студии телевидения. Уходит, словно место кому-то освободила.

Натка удивилась тогда, с чего это ей Нина привиделась. Она в Москве и думать про неё не думала, вообще про работу не вспоминала. Вернулась в Северск – и нате вам, пожалуйста.

Журналистка Северной студии телевидения Наталья Никитина стояла перед доской приказов и таранилась на свеженький листок, где черным по голубому (видимо, белая бумага в принтере закончилась) было написано, что в связи с увольнением Степновой Н.А. по собственному желанию заместителем председателя по телевидению назначается Прянишников И.Я. И подпись нового председателя их телерадиокомпании – С.В. Пузанов. Так, значит. Нина ушла, а Кеша теперь начальником.

То, что Гудков хочет спихнуть Ревнёва, председателя Северского филиала государственной телерадиокомпании, было ясно давно. Не устраивал губернатора чужой человек на идеологическом передовом крае. Слишком долго и тяжело шел Гудков к своему губернаторству, чтобы пустить на самотек собственный пиар. Своей волей спихнуть не мог – нужно было в Москве договариваться. И вот прошёл слух, что договорился.

В аккурат перед Наткиным отъездом на сессию студия три дня стояла на ушах. Слух прошёл, что Ревнёва не просто снимают... На его место сажают Раису Ненашеву. И вот это было катастрофой!

Сорокашестилетняя Раиса, когда-то работавшая здесь диктором, несколько лет назад организовала в городе коммерческую студию телевидения «Товарищ». И обрела себя! Из четырёх часов ежевечернего вещания два она отводила себе любимой. В ежевечерней передаче «Дорогие мои северцы» Раиса в начесе, бусах и макияже на уже расплывшемся, но еще миловидном лице по два часа беседовала со зрителями. Читала письма про протекающие потолки и холодные батареи, про ветхие дома и очереди на квартиры, про зарплату учителям, задержанную на три месяца, про наглых продавцов, которые обсчитали и обвесили. Читала с надрывом, со слезой в голосе и безмерным сочувствием к автору, говорила «дорогие мои горожане» и «родные мои земляки», призывала потерпеть и не отчаиваться, обещала лично пойти к злодеям и призвать их к ответу, а потом показать этот ответ честному народу. И действительно: ходила и показывала. Совала микрофон в унизанной перстнями руке ошалевшему директору теплосети, и тот клялся, что в квартирах потеплеет – мэрия нашла деньги на закупку угля, топить будут. Показывала заместителя мэра, который неубедительно бормотал об отсутствии денег в городском бюджете на ремонт домов и что на учительскую зарплату купили уголь для котельных, чтобы город не замерз. А зарплату отдадут, когда из

Москвы денег пришлют на уголь. Призывала к ответу директоршу гастронома, которая с перепуга пообещала уволить всех продавцов разом, чтобы не обманывали честных граждан. И с каждым из собеседников Ненашева обязательно делила кадр, красовалась своей норковой шубой, шапкой, посверкивала бриллиантами на пальцах, сжимавших микрофон. Микрофон обличительно вонзался в собеседников, отчего те косели, сведя глаза к решётчатому набалдашнику с названием «Товарищ».

Дав собеседникам чего-нибудь пролепетать, Раиса разворачивалась к камере и, оттеснив бедолагу (с её-то статьями – повела бедром, и готово дело!), опять выдавала нечто вроде «Как видите, дорогие мои земляки, Пал Палыч Имярек пообещал нашему корреспонденту, что безобразия, которые отравляют нам жизнь, обязательно прекратятся. А мы, родные мои северцы, будем внимательно следить, как люди, которые обязаны делать нашу жизнь в этом суровом и красивом городе радостной, весёлой и достойной, справляются со своими непосредственными обязанностями. Пишите нам, дорогие мои, обо всем, что вас волнует, о том, что мешает вам жить в нашем прекрасном северном городе, и мы обязательно от всей души, от всего сердца откликнемся на ваши письма...» и ля-ля-ля и бла-бла.

Ненашева в такие моменты походила на обряженную в меха и бриллианты пародию на Валентину Леонтьеву и американского проповедника-иеговиста одновременно. А жанр её работы северские журналисты с чьей-то едкой подачи стали называть «сопли в сахаре». Телевизионщики над Раей подхихикивали – чего ещё ждать от выпускницы торгового техникума. Дикторша, она дикторша и есть. Жалели двух корреспондентов, довольно толковых ребят, которых она выпестовала и которые делали новости в той же местечковой, многословной, изобилующей эпитетами и междометьями манере. Хотя отдавали должное Раисиной хватке и выносливости. Ненашева лично ездила с губернатором по области, носилась за ним с микрофоном в своих мехах и на шпильках. А затем, пока ГТРК «Северск» старалась не засорять эфир излишками губернаторской деятельности, еженедельно устраивала специальные выпуски минут на шестьдесят, где доверительно сообщала «дорогим северцам», чем озабочен их избранник-губернатор. И перемежала свои выступления обильными цитатами корявых губернаторских изречений. Так что в эфире «Товарища» царили двое – Гудков и Ненашева.

И вот теперь, похоже, к этому царству решили присоединить и «Северск». От таких известий всем стало не до смеха. Одно дело хихикать, как Раечка блистает на своём канале, тем более, что благодарные бабушки-пенсионерки от неё млеют и все свои горести «телевидению» выкладывают. Другое дело пустить эту козу в свой огород. Который Степнова, между прочим, целый год пропалывала и засекала.

Натка помнила времена, когда ТРК «Северск» занимался примерно тем же, чем сейчас занималась Ненашева. Журналисты-ветераны с тридцатилетним стажем вещания, закоряченные в своей маститости, выходили в эфир и подолгу вещали на разные темы. Называлось это телеобзором, зрители обозревали в основном говорящие головы. А в промежутках между на канале крутили кинозарисовки семидесятых годов. Тоска! Ещё здесь показывали спектакли местного кукольного театра. Их снимал тогдашний председатель телевидения Герман Штоц, телережиссёр по образованию. Снимал халтурно, одной неподвижной камерой, издали, чтобы всё поместилось, и толком не выстроил звук. На экране куклы суетились где-то вдалеке и пищали невнятное, не разглядеть, не расслышать.

И такое положение устраивало всех. Тогдашнего председателя северской ТРК, считавшего дни до пенсии и достаивавшего кооператив в Тамбове. Алкоголика Штоца, своими спектаклями выполнявшего план по эфирному вещанию. Маститых тележурналистов, которые исправно получали гонорары и премии за возможность потрясти зрителей своим авторитетным мнением. В общем, нормальная госконтра, осваивающая бюджетное финансирование. А что до зрителей... Кому не интересно, может переключить.

За два с половиной года до того, как Гудков стал губернатором, вместо тамбовского пенсионера в ТРК прислали Ревнёва, по слухам, высланного за какие-то провинности из самарской студии. Поначалу Ревнёв призывал маститых сделать хоть что-то приемлемое, но всё как в вату уходило в замшелый профессионализм телеветеранов. Да нормально всё. У нас высокоинтеллектуальный эфир! Тогда-то Ревнёв и уговорил Нину Степнову перейти из редактора газеты главным редактором на телевидение. Ему понравилась её толковость, цепкий взгляд и живой слог. Вот так бы на телевидении!

Телеветераны встретили её в штыки. Ха, явилась, какая-то выскочка-газетчица! Мы – каста. А она кто? Специфики не знает, в кадре не работала, какой из неё главный редактор!

Нина спорить не стала. Пригляделась к порядкам на студии и через месяц предложила создать мобильную бригаду и выпускать десятиминутные свежие новости. Под это дело приняла на работу молодого корреспондента и оператора, и новости пошли параллельно «головам». Потом настояла, чтобы все передачи приносили ей ещё на стадии сценария и принялась эти сценарии править и отдавать на переделку, убирая долгие монологи ведущих. Ветераны принялись обижаться, хлопать дверью и в знак протеста уходить на пенсию. Когда освободилось несколько вакансий, Степнова устроила кастинг и набрала «с улицы» способную и задорную молодёжь. Молодёжь фонтанировала идеями и энтузиазмом и выдавала такие материалы – пусть сыроватые и немножко ученические, зато живые! – что зрители стали переключать каналы всё реже. Северское телевидение стало интересно смотреть!

Натка сама пришла на студию на этой волне призыва. Как раз раздумывала, чем бы теперь в жизни заняться. У неё новая полоса начиналась в честь тридцатидвухлетия. Они с Генкой только-только в Северск переехали из райцентра, где прожили девять лет. Ей, инженеру по образованию, в райцентре, посёлке на десять тысяч человек, работы по специальности не нашлось. И к тридцати годам Натка много чего попробовала. Инженером вневедомственной охраны поработала – чуть не сбесилась от безделья и рвения лейтенантуса, который по минутам засекал, когда она приходит и уходит. Больше ведь ему заняться нечем было, только контролировать. И бухгалтером в обществе охотников и рыболовов она побывала – окончила трёхмесячные курсы и устроилась. Бухгалтерша из неё получилась аховая: цифры всё время путала, деньги в кассе по три раза пересчитывала, а отчёт в несколько строк переписывала по восемь раз. На два года её хватило. А школы, где в младших классах ритмику преподавала, и вовсе на полгода. В школу попала случайно. Приятельница уезжала из посёлка, попросила её классы до лета довести, Натка взялась – а чего там, с детками поплясать! Всю жизнь ведь танцами занималась! Ну и поплясала... Утрамбованные авторитетными учителями детишки в танцклассе бесились так, что музыки не было слышно, не переорать. Ушла, когда надоело орать, и устроилась в местном клубе балетмейстером. Опять с детишками плясать, но – с тихими. Успела отчётный концерт провести, когда муж Генка придумал заняться торговлей. Ему как раз перестали платить зарплату, вот он и решил организовать ларёк на рынке.

Организовали. Всё лето Генка возил товар из Северска, а Натка стояла за прилавком. Шутила с покупателями, беседовала с налоговиками, лаялась с шушерой, изображавшей рэкетиров и между всем этим – торговала. За три месяца такой работы она перестала бояться всех и всякого, научилась быстро считать купюры, приобрела бойкость речи и усвоила проблемы российского предпринимательства. К осени неплохо заработали, и Генка раздухарился продолжать семейный бизнес. Мол, откроем магазин, ты будешь заведующей, а я – товар возить. Но Натка к тому времени устала закрывать собой амбразуру. Беспечный супруг не особо морочился насчет сертификатов качества и прочих бумажек, привозил иногда откровенную липу. А она потом отбрехивалась и отбивалась от проверяльщиков, которые ходили к ней каждый день и всё норовили составить какой-нибудь акт. Один раз даже составили, в суд отнесли, и на Натку наложили какое-то там взыскание. Хоть и на символи-

ческую сумму, а всё равно обидно было. Генка ленится правильной бумажкой разжиться, а с неё спрос. В общем, отказалась она продолжать торговлю и уговорила Генку уехать в областной город. Мол, там твоим торговым талантам разворот пошире будет.

Они купили квартиру в Северске, и Генка действительно развернулся. Вместо забастовавшей жены нанял себе помощницу-бухгалтера, арендовал несколько ларьков по городу и занялся делом. А Натка принялась соображать, кем же она теперь может поработать. Тут-то северское телевидение и объявило набор молодых талантов. А она пошла. Пусть не очень молодая, зато бойкая. Зря, что ли институт заканчивала, в самодеятельности танцевала и за прилавком крутилась! Школа жизни всё-таки.

Помимо школы жизни телевидение требовало ещё ряда качеств: телегеничности, хорошего голоса и дикции. Ну, и мозгов. На кастинге выяснилось, что Натка камеры не боится, и камера к ней благосклонна. На пробной съёмке она выглядела вполне прилично и голос, читавший отрывок вчерашних новостей, звучал глубоко, и дикция была правильной. Худсовет призадумался...

В худсовет входили Нина Степнова, уже сменившая Штоца на посту руководителя студии, по-прежнему пьющий Герман Штоц, теперь главный режиссер, тучная одышливая Дуся Бубнова, последняя из ветеранов телевидения, толковая режиссёрша, проработавшая на студии сорок лет. Еще был редактор Федор Федорчук, сорокалетний журналист с пятилетним теле стажем, замашками плейбоя-диджея, в прошлом – учитель истории. И тридцатилетний обозреватель Кеша Прянишников, сам пришедший на телевидение полгода как, но, учёный-биолог по образованию, уже показавший себя толковым журналистом. В результате проб Дуся, Федорчук и Кеша Натку забраковали. Дуся из-за, по её мнению, недостаточно солидной внешности, а Федорчук и Кеша – из-за преклонных лет. «Мы же молодежь набираем, а ей уже за тридцать!». Склонный к философии из-за возраста и алкоголизма Герман Штоц держал нейтралитет, высказавшись насчет сексапильности, которую можно и нужно раскрыть в каждой телеведущей. И только Степнова, прочитавшая Наткино эссе на тему «Как я сражалась с налоговым инспектором» – эссе было первым этапом конкурса – решила взять её на испытательный срок.

Так Наталья Никитина пришла на телевидение. И ей настолько там понравилось, это оказалось настолько её занятием, что она занырнула туда с головой. Её сюжеты, на первых порах не очень техничные и отдающие самодеятельностью, получались в таком неожиданном ракурсе, с такой энергетикой, что цепляли и запоминались. Работалось ей легко и в кайф, и даже всякие уколы и бяки ее не очень цепляли. Уколы и бяки устраивали коллеги-старожилы, которых раздражала прыть новенькой, заметно выделявшейся на фоне молодёжного призыва.

Была на студии такая традиция, «разбор полетов» за неделю, когда по понедельникам все, включая инженеров и осветителей, собирались в большом съёмочном павильоне и слушали от дежурных критиков, что так и что не так было сделано на неделе. Вот на этих разборах Никитиной и доставалось. Веселова, очень опытная журналистка, разнесла её сюжеты, не объясняя причин. Плохо, мол, да и все тут. Не понравилось! Дуся, авторитетная режиссёрша, вдруг пускалась в пространные рассуждения, что некоторым начинающим журналистам не хватает мастерства и выпускать в эфир непрофессионалов – издевательство над зрителем. Федорчук то и дело осаживал прыткую «высочку», а потом на всякий случай с ней не здоровался, заранее определив Никитину в свои врагини. Ведь он-то точно затаил бы злобу, скажи ему так! Даже Кеша, который сам ещё только пробивался в профи в журналистике и своей стремительной карьерой был обязан в большей мере репутации своих родителей – как же, сын ведущего радиожурналиста и телережиссера, это же такие гены! – взял за правило разбирать сюжеты Никитиной и ехидно комментировать слабые места.

Иногда Натке было обидно до слез. С чего такая критика? Что она им сделала плохого? Кому дорогу перебежала?

Иногда ей действительно начинало казаться, что она делает всё неправильно и не так. И если бы Нина не хвалила Наткины работы, даже переделывая вместе с ней закадровый текст и объясняя, как правильно выстраивать сюжет. А через три месяца Натка поехала в командировку в свой район, сама, с водителем и оператором, в автономное плавание на десять дней. И навезла оттуда столько материала, что сюжетами выстреливала больше месяца, да ещё и две передачи собрала. Критики притихли. А ещё через три месяца Степнова организовала для неё направление в московский институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания.

И вот накануне её последней московской сессии разразилась эта буря с Ненашевой, как возможным председателем ТРК «Северск». Ежу понятно, что эта себялюбивая дикторша начнет лезть в их телевидение всеми четырьмя лапами. И в три счета превратит его в «товарищеский» канал с мыльным сериалом «Дорогие мои и губернатор». Теленарод решил воспротивиться, написал коллективное письмо в Москву, в головную компанию и передал его по своим каналам.

И вот теперь кульминация истории. Раисе в телеэфире не быть, но и Степнову тоже вышвырнули. Вместо умницы-Нины балбес Кеша Прянишников, а вместо Ревнёва сомнительный Пузанов.

– О, Никитина, привет! Ты когда прилетела?

Натка оглянулась. Здравовалась Дина Дубинина.

– Динка, привет! Сегодня и прилетела. Зашла вот разведать, что здесь и как, завтра на работу выхожу. А здесь у вас вон, события... Не обошлось, значит. Расскажи хоть, что тут без меня было.

– Пошли, я покурю и расскажу.

Натка пошла, отметив, что хотя Степновой нет, правила её действуют. Сама курящая, Степнова в редакции курить не разрешала, и народ послушно бегал на улицу.

Дина Дубинина действительно могла рассказать всё, как есть. Она вместе с Кешей Прянишниковым делала и вела еженедельную аналитическую передачу «Курсив», так что была в курсе.

– В общем, весело ту было.

Дина затянулась так, что сразу треть тонкой сигаретки превратилась в серый столбик пепла, и стряхнула столбик в сторону, не глядя.

– Гудков примчался из Москвы через день, как Нина с Веселовой письмо отправили. Собрал всех наших в павильоне – зверем глядит. Мол, вы, да против меня, да о чём вы думали, «пися в Москву письма про меня», да я вас! Веселова ему: «Иван Прокофьевич, мы лично против вас ничего не имеем, мы вас уважаем!», а он ей «И нечего мне тут лить саванну!»

– Это в смысле лить елей или петь осанну? – попыталась угадать Натка. Северский губернатор отличался редкостным косноязычием, и журналисты коллекционировали его перлы, всякий раз гадая, что он имел в виду.

– Да фиг его знает. Наверное, всё сразу. Поорал минут двадцать и заявил: хотите профессионала – вот вам профессионал. Пузанов. Вы его хорошо знаете.

– Да уж, – покрутила головой Натка.

Лично она Пузанова знала только в лицо, хотя была слышана. Со студии он ушёл еще до её появления. Точнее, его ушли. Талантливый журналист Сергей Пузанов на трезвую голову выдавал такие материалы – московские каналы брали с удовольствием. А на пьяную чудил и буянил. И после очередного загула, когда Пузанов ломился на студию и подрался со стариком-ВОХРовцем, разбил ему телефонный аппарат и кружку с чаем, а после утрамбо-

вал несчастного деда в каптерке, подперев дверь табуретом, Ревнёв попросил Сергея Валентиновича написать заявление по собственному желанию. Жаждавший возмездия вахтер был готов подписать любые акты, и альтернативой увольнению по собственному было увольнение по статье. Пузанов ушёл недалеко – в пресс-службу Гудкова, тогда ещё депутата в Госдуме от области. Они отлично сработались: Пузанов снимал про него сюжеты, писал Гудкову тезисы выступлений, сам проводил с ним прямые эфиры. И, по сути, подготовил и провёл для Гудкова всю предвыборную кампанию, став для будущего губернатора и имиджмейкером, и спичрайтером и просто консультантом по взаимодействию со СМИ.

Карьера Пузанова при Гудкове окончилась внезапно и по-глупому. В одной из поездок в Америку, куда Гудков мотался накануне губернаторских выборов ещё как депутат и взял в свою свиту Пузанова, тот ущипнул за задницу горничную в гостинице. Выпивший был, возбужденный дорогой и границей. А девица так заманчиво крутила круглой попкой – как приглашала. Ну, он и приложился. Что тут началось! Горничная в крик про сексуальные домогательства, вызвала полицию. Гудков с трудом разрулил ситуацию, но визит был испорчен.

Все городские газеты на другой день писали, что в Сиэтл с официальным визитом к мэру прибыли русские сексуальные маньяки и Пузанов попал в опалу. По слухам, закодировался от пьянства, однако после победы на выборах Гудков его в свою команду не взял, и Пузанов уехал куда-то в Приэльбрусье. А теперь, значит, достали мужичка, обдули от нафталина и нате вам нового начальничка.

– А как же Кеша в замы по телевидению попал?

– Так и попал. То, что Нину Пузанов не оставит, это сразу понятно было. Во-первых, ревнёвский кадр, во-вторых у Пузанова на нее зуб. Помнишь, как он ей скандал закатил? Хотя это еще до тебя было... Требовал дополнительного времени в эфире для Гудкова сверх положенного депутатского часа, а она отказала. В общем, показал свою власть. А если начальника убирают, кого ставят? Кого-нибудь из замов. Зама у Нины было два, Прянишников и Федорчук. Ну не Федорчука же ставить, в самом деле!

– Действительно, – согласилась Натка. – Кеша, по крайней мере, в информации сообщает и на подъём легкий. Вон, вполне прилично редакцией информации руководил. А Федорчук только и умеет, что собой любоваться. Павлин!

Натка мстительно фыркнула, припоминая сразу все мелкие обиды на Федорчука. Уж лучше Кеша, чем этот позёр! Интересно, всё-таки, чем же она ему так не нравится? Может, задевает за что-то мужское-сокровенное? Может, на первую учительницу похожа? До сих пор ведь разговаривает с ней через губу, всё показывает дистанцию между собой, асом тележурналистики, и ею, выскочкой. Правда, теперь это не работает, – она только первые полгода ёжилась от его демонстративного снобизма, а потом перестала обращать внимания. Ну не будешь же постоянно реагировать на хорошо знакомого человека, если у него горб. Или он хромает ежедневно на твоих глазах. Привыкнешь со временем. Вот и она привыкла – пусть себе хромает.

– А кто на Кешино место теперь, завредакции информации?

– Никого пока, Кеша совмещает. Так что завтра тебе на работу выходить к новому начальнику. У него как раз первый день работы в новом качестве, – резюмировала Дина и щелчком послала окурков в компанию братьев, скромно, но тучно кучковавшихся под кустом шиповника возле крыльца. Жёлтые фильтры живописно прятались в яркой зелени свежей июньской травы.

Натка постояла на крыльце, обвела взглядом серую площадь, пока ещё едва зазеленевшие деревья. Задрав голову, посмотрела на телевизор. Макушка вышки царापала низкое серое небо. С моря тянуло зимним холодом. Да, с уже тёплой, летней и беззаботной Москвой контраст разительный.

Глава 2

«Блин, что-то все один к одному. Генка загулял, Нину сняли, Кешку назначили. Что за напасть на мою голову?»

Она спешила в студию и уже опаздывала. Задержалась из-за мужа: он пришёл под утро и изобразил картину Репина «Не ждали». Не ждал, мол, что ты уже приехала, ошибся в подсчётах. Натка, в принципе, привыкла, что её благоверный пропадает ночами. По официальной версии – по делам бизнеса. По неофициальной... Неофициальной она предпочитала не заморачиваться.

Они с мужем уже третий месяц поддерживали нейтралитет в семейной жизни. В смысле, что никто ни у кого не выяснял, где был и что делал. И мораторий на сексуальные отношения сохраняли. В смысле, что перестали спать друг с другом. Первым перестал Генка. Он неделями не показывался дома, а появившись, сказывался уставшим от бизнеса, – «Знаешь, мне сколько вопросов решать приходится!», – и заваливался спать. Натка сначала пыталась пристроиться под бочок мужу, но секс был настолько вялым во всех смыслах, начиная с собственно орудия сексуальной близости, что она бросила эти попытки.

А буквально накануне отъезда в Москву ей позвонила какая-то баба и потребовала урезонить своего мужа. То есть Генку. Чтобы он не растлевал её мужа, Димочку. Потому что хоть она и старше Димочки на пятнадцать лет, но обещала его матери, что присмотрит за мальчиком. А Димочка, как стал водиться с её, Наткиным, то есть, мужем, приходит домой поздно, пьяный, обзывает её старой клячей и кричит, что они с Генкой отряд таких девочек по-всякому имеют, что она может заткнуться. Натка вежливо выслушала весь этот бред и пообещала разобраться, мысленно пожалев стареющую Димочкину жену, которой мерещится всякое непотребство.

Димочка к ним заходил несколько раз – носатый нескладный парень, он абсолютно не походил на мачо-Казанову. Вечером Натка со смешком рассказала о звонке Генке – вот, мол, бедная баба как от ревности заходится. А потом глянула на его разом поскучевшую физиономию и замолчала. Может, это она бедная баба, до которой всё доходит в последнюю очередь? Может, неспроста Димочка перед своей мамочкой-женой бахвалился? Может, есть чем, оттого и Генка устаёт до нестояния? Поди-ка, покувыркайся с отрядом девочек, и устанешь, и увянешь. Додумывать эту мысль она тогда не стала, отмахнулась, – бредятина, какие, нафиг, девочки! Мужики на пару вкалывают, точки открывают, персонал нанимают, товар берут. Она понимает, отчего Генка без сил, а Димочкина старушенция ревнует. И глупо ей, Натке, вваливаться в бабью ревность, когда и так есть о чём беспокоиться. Вон, какая карусель с этим письмом в Москву, с её сессией и дипломом. Но теперь пора, похоже, серьёзно поговорить с мужем. Начистоту.

Показалось крыльцо телестудии, и Натка отключилась от мыслей о муже. Вбежала по ступенькам, рванула дверь, кивнула старушке-вахтерше и понеслась в кабинет Степновой. Влетела:

– Доброе утро!

– Опаздываете, Наталья Андреевна.

Кеша сидел в кресле Степновой и постукивал пальцем по циферблату часов. Натка глянула на свои: опоздала на семь минут.

– Извини, Кеш, я время не рассчитала. Я пропустила что-нибудь важное?

– Пока нет. Но я говорил всем, и для тебя еще раз повторю. Теперь у нас на студии вводится железная дисциплина, и за опоздания на летучки будет понижаться премия. Слушайте, мне сон сегодня такой приснился! – вдруг резко сменил тему Кеша, откидываясь в кресле. Лицо его приняло сосредоточенное выражение – вспоминал.

– Будто я бегаю вверх-вниз по лестнице и разбрасываю баксы из карманов. Баксы летают, как бабочки зелёные, а я по ступенькам то вверх, то вниз, то вверх, то вниз. Интересно, к чему такой сон? Если разбирать по Фрейдю, то спускаться-подниматься по лестнице символизирует половой акт. А причём тогда баксы? Акт с проституткой, что ли? Тогда почему так дорого? Я там несколько тыщ баксов раскидал!

Натка смотрела на Кешу в полной оторопи. Толковый журналист, делает передачи про власть и экономику. Сам стремится их вести, и это минус, потому что с дикцией всё в порядке, а лицо подвело. В свои «за тридцать» Прянишников цвёл ядрёными прыщами, которые, сходя, оставляли на щеках следы-оспины. Но он не комплексовал, да и в кадре появлялся некрупно. Прянишников был, в общем-то, беззлобным мужиком, и считал себя знатоком человеческих душ. Раньше Натке это не мешало. Но теперь Кеша, нёсший пургу «по Фрейдю» в кресле начальника, начал вдруг вызывать раздражение.

Кеша трепался о своём сне и выглядел настолько нелепо и чужеродно в Нинином кресле, что Натке казалось, – она сама видит дурной сон. Лица те же, стены те же, стол и кресло то же. Но вместо Степновой – Кеша, который уже шестую минуту разглагольствует о Фрейде, баксах и проститутках.

– Слушай, Прянишников, – не выдержала она. – Ты зачем нас здесь собрал и ещё время засекаешь, чтобы вовремя? У нас планёрка или вечер авторских сновидений? Мы работать сегодня начнём, или главной новостью будет исследование бессознательного нового главы северского телевидения?

Мечтательное выражение Кешиной физиономии сменилось сначала недоумением, потом досадой.

– Работать хочешь, Никитина? Так иди, работай. В Доме творчества выставка детских поделок открылась, иди, снимай.

– Иннокентий, – попробовала вмешаться Дина, – погоди. Может, пусть про поделки Анжела снимет? Тема-то простая. Давай Никитину на совещание по лимитам на вылов рыбы отправим, я хотела попросить, чтобы она мне ещё сюжет и в «Курсив» сделала.

– Так, – побагровел Кеша, – я не понял, у нас тут что, каждый сам себе хозяин? Что хочу, то снимаю? Если кто не понял, повторю. Вольница, которую тут развела Степнова, закончилась. Началась дисциплина. Я распоряжаюсь, вы выполняете. Никитина снимает выставку в Доме творчества. Анжела едет на совещание по рыбе. Ещё у нас сегодня пресс-конференция в здравотделе по вакцинации, забастовка докеров в порту, якутская делегация в мэрии и открытие областного первенства по художественной гимнастике. Едут..., – и Кеша стал называть фамилии корреспондентов, кто куда едет, в общем-то распределяя остальных вполне логично, попадая в специализацию и в квалификацию корреспондентов.

– Сегодняшний выпуск веду я. Вопросы есть? Нет? Тогда приступайте.

Раздражение из-за Прянишникова Натку не отпустило даже после планёрки. Она пошла на крыльцо вместе с Диной, постоять рядом, пока та курила, и теперь кипела от негодования:

– Нет, ну каков гад, а? Ну ведь специально засунул меня к этим детям, назло ведь!

– А зачем ты его стала задирать? – невозмутимо выпустила дым Дина. – Он ведь вперые в жизни начальник, волнуется, а ты ему вроде как по носу щёлкнула.

– Да накатило на меня! Развалился в степновском кресле, про либидо рассуждает, прыщами своими светится, щёки в горох. Интересно, как он в эфире работать собрался? Это не ваш «Курсив» на уличных подводках на средних планах записывать. В павильоне ведь такие камеры стоят – каждую пору на лице видно. У него же каждый прыщ на экране расцветет во всех анатомических подробностях. Нет, ну кто бы мог подумать? Журналист ведь неплохой и невредный всегда был. А тут – дисциплина, кто в доме начальник! Противно!

– Противно будет, если Анжелу на совещание про рыбу отпустить. На тебя накатило, а бедной девушке отдуваться. И мне вместе с ней – кто сюжет в «Курсив» сделает?

Дина придавила подошвой окурков и решила:

– Поеду-ка я сама на рыбу, пойду Кешу уговорю.

От Анжелы действительно было бы глупо ждать внятного сюжета. Она почти год проработала диктором в студии, читала коммерческие объявления про яблоки и куриные окорочка. Отличалась ангельской внешностью, приятным голосом и полным отсутствием каких-либо знаний в хорошенькой головке. Про знания выяснилось, когда на студии сократили должность диктора, и Степнова перевела Анжелу корреспондентом отдела информации. Максимум, на что та оказалась способна – рассказать о клумбах на улицах и о последнем школьном звонке. Да и в этом случае Степнова, морщась, переписывала почти все Анжелины тексты и придирчиво отсматривала перед эфиром её сюжеты.

С детской выставкой Натка справилась уже к четырём часам, и отсняв, и написав сюжет. Отнесла в машбюро, чтобы напечатали, принесла на вычитку новому начальству и теперь ждала, пока Кеша вычитывал её текст с демонстративной придирчивостью. «Интересно, с чего это всё-таки Прянишников решил в ведущие податься? Славы, что ли, жаждет?» – думала она беззлобно. С заданием про выставку Кеша невольно оказал ей услугу. Голова, занятая Генкиными похождениями и измученная переходом с московского на северское время, – семь часов разницы, не шутка, – всё равно не смогла бы выдать ничего качественного на серьёзную тему. А так, детское прикладное творчество, юные Левши и Марья-искусницы, праздник фантазии и смекалки – сюжет она придумала, не напрягаясь. Ещё и лирики подпустила, изобразив эдакое эссе на заданную тему.

Кеша дочитал, дописал несколько прилагательных, в двух фразах поменял местами слова. И сказал, ставя размашистую закорючку на листочке с сюжетом (мол, утверждаю):

– Ну вот, теперь нормально, можешь идти в монтажную. И напиши мне подводку к сюжету.

Прянишников опять выглядел добродушным Кешей, а не строгим начальником, и Натка спросила:

– Слушай, Кеш, а почему ты сегодня ведёшь новости, а не Лисовская? Она в командировке, что ли?

Зоя Лисовская вела новостей в очередь с Мариной Кудрявцевой. Марина вела вчера, а Зои утром на летучке не было.

– Лисовская в отпуске с последующим увольнением. В Израиль они уезжают, – вздохнул Прянишников. – На землю обетованную! Так что кроме Маринки некому теперь в эфире работать. Я, можно сказать, амбразуру своим телом закрываю. Ну, иди, работай!

Он откинулся в кресле и начальственным жестом протянул Натке бумажки с сюжетом.

– Слушай, Кеш, а может, моим телом закроешь? – предложила Натка, разглядывая свежий яркий прыщ на правой щеке Прянишникова.

– В смысле? – Кеша внимательно и несколько плотоядно обшарил взглядом её фигуру.

– В смысле, что я теперь дипломированная ведущая телерадиоэфира. Я же из Москвы с дипломом вернулась. Давай, я тоже начну новости вести! Зря, что ли, компания меня на учебу отправляла?

– Ну не знаю, не знаю, лично я тебя куда не отправлял, – Кеша окинул Натку скептическим взглядом, в котором не осталось никакой сальности, лишь начальственный прищур. – Я не могу приять такое решение единолично. Давай проведем пробу, обсудим на худсовете, решим.

– А когда проба?

– Слушай, отстань, а? Не наседай. Приставай к Чудиной, пусть она найдет время и запишет тебя. Иди пока сюжет делай. И подводку напиши! Вон, Анна Ивановна уже ждёт!

Действительно, в дверь кабинета уже заглядывала режиссёр Анна Ивановна, собиравшая сегодняшний выпуск новостей. Натка обрадовалась. Монтировать с ней она любила. Вежливая и деликатная Анна Ивановна обладала отменным вкусом и чутьём, а ей как раз и хотелось собрать симпатичный, лёгкий выразительный сюжет про детские поделки. С Анной Ивановной получится!

Домой она вернулась в девятом часу. Открыла дверь, зажгла свет в прихожей... Боже, какой суматошный день! И Генки, похоже, дома нет. Да и к лучшему, что нет – разговаривать с мужем сил не было. Но как же она устала! Отвыкла за месяц от бешеного ритма теленовостей. Бедный организм, как же ему достается! И к темпу ежедневных новостей заново привыкай, и к новому времени приспособляйся. И к новому начальству тоже. И к гололодному существованию – за весь день Натке удалось пару раз попить чаю с шоколадкой. Своего буфета на студии не было, а бежать куда-то искать еду она времени не нашла. Сначала до пяти сюжет снимала-писала-собирала. Симпатичный получился! Потом Динка попросила выручить, сделать для «Курсива» дайджест региональных новостей, – выручила, час просмотра, час в монтажной. Затем зареванная Анжела попросила помочь с сюжетом про летние экологические отряды. Не взирая на Кешин автограф на листочке с закадровым текстом, все режиссёры, включая деликатнейшую Анну Ивановну, отказывались собирать сюжет на том тексте, что Анжела смогла родить. Самому Кеше возиться с девушкой было некогда – он готовился вести выпуск, до которого оставался час. Анна Ивановна отправила корреспондентку к Никитиной, и Натка в авральном режиме вычищала Анжелины перлы про «улицы будут убираться детьми в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет» и «администрация города Северска желает ребятам трудовых успехов и оплачивает их трудовой почин в сумме пятьдесят рублей в день не считая питания». В итоге сюжет получился пусть не виртуозным, но хотя бы вменяемым. А Натка ушла из редакции в восемь вечера.

«Так, что делать сначала, поесть или полежать?» – спросила она себя и сама себе ответила: ставлю чайник, полежу, пока закипает, потом ем.

Чайника, электрического чуда германской инженерной мысли, на кухне почему-то не оказалось. Хотя утром был. Точно был, она помнит, как наливала воду и облила круглый бежевый бочок. Генка, что ли из дому утащил? Зачем? Пришлось лезть на антресоли, где пылился еще один чайник, обыкновенный жестяной труженик с ручкой кренделем и лебединым изгибом носика. Уж пока этот будет закипать на плите, она точно успеет поваляться и дух перевести.

«Интересно, что всё-таки происходит с Генкой?» – думала Натка, свернувшись эмбрионом под клетчатым мягким пледом. Плед она подарила мужу в честь двенадцатой годовщины их совместной жизни, они отметили эту дату за пару недель до её поездки в Москву. Торжество получилось вялым, каким-то вымученным. Она ему вручила плед, он ей духи, выпили шампанского, поковыряли закуски, давясь долгими паузами. Потом зазвонил телефон, и Генка обрадовался, схватился за трубку, как за соломинку. Отвечал туда односложно как шпион: да, нет, да, да, хорошо. А потом улыбнулся виновато: «Нат, ты только не обижайся, но мне надо идти. Димка звонил, там проблемы на точке, без меня никак». «Конечно, иди», – Натка и не обижалась. А на что обижаться? Что ей перестало быть интересно с собственным мужем? А ему перестало быть интересно с ней? Потом, когда дней через десять позвонила Димкина супружница, Натка вспомнила этот звонок в годовщину их свадьбы. И отогнала гаденькие мысли и версии, с чем или с кем именно разбирались тогда «на точке» Генка с Димкой. И даже строго сказала себе, что если всё правда, то она – умница, раз перестала спать с Генкой. Мало ли какую заразу притащит со своих сексуальных забав. А если бред ревнивой бабы – так и думать не о чем.

А сейчас на неё вдруг накатило: что происходит с их семьёй? Почему у них с Генкой все стало не так? Почему она боится поговорить с собственным мужем? Почему ждёт, что

он сам ей все расскажет и гордо делает вид, что ничего особенного не происходит? Откуда взялась эта стена между ними? Ну ведь было же хорошее! Любовь была...

Как он тогда, в Томске, притащил ей в общежитие букет гладиолусов! Первые в её жизни цветы от парня. Безумно дорогой букет, четверть стипендии. А она попросила: не надо цветов, лучше конфетами. И он потом таскал ей эти конфеты пригоршнями – «Белочку», «Метелицу», «Грильяж в шоколаде». Томск тогда славился своими шоколадными конфетами. А Генка был щедрым. И зарабатывать всегда умел. И хорошо с ним было.

Они поженились студентами, и муж ей заменил всех подружек, вместе взятых. И на Север она поехала за ним без раздумий. И потом не жаловалась, что работы себе не нашла по специальности – ну не было в их посёлке работы для женщины с дипломом инженера-электрика. И, в общем-то, все эти годы ей с Генкой было хорошо. Они ладили и дружили. А в Северске у них что-то разладилось. Переезд, обустройство, у неё работа, у него бизнес. И постоянное ощущение недоговорённости...

Может, родить ему сына? Или дочку. Интересно, кто у них тогда не родился? Если бы не выкидыш на пятом курсе, уже бы большой ребёнок был. Тогда выкидыш её не очень огорчил. Институт закончить было важнее, да и вся жизнь впереди. Им ещё нужно устроиться как следует, и уж потом – рожать. До сих пор они с Генкой устраиваются, а рожать она так и не собралась. Может, хватит откладывать? Родить уже, и тогда у них всё наладится?

Она совсем забыла про чайник. И когда пришла на кухню, тот всю исходил паром, аж окно запотело. Полчайника выкипело! Натка кинула чайный пакетик в свой любимый бокал, белый с крупными маками на блестящих боках, залила его кипятком и полезла в холодильник за чем-нибудь съедобным, смахнув с дверцы какую-то бумажку. Та радостно упорхнула под стол. Так, суп Генка, судя по всему, доел. В её распоряжении три пластика плавленого сыра, селёдка в баночке, три яйца и огурец. Батон она купила. Значит, быть бутербродам с сыром и огурцом.

Натка пластала огурец на тонкие кружляши, когда нечто, маячившее на границе сознания назойливой мелкой мухой, наконец, оформилось в крупного лохматого шмеля: а где Генкина чашка? Большая, жёлтая, с глазами и носом-пипочкой? Кружку Генке кто-то подарил на день рождения, она ему очень нравилась, и он пил чай только из глазастой посуды. Утром кружка была, Натка сама ставила её в раковину. Посуда лежит, как лежала – хоть бы раз Генке пришлось в голову помыть. Чашки нет. И чайника нет. У него что, выездное чаепитие?

Шмель раздулся до размеров колибри. Натка кинулась в комнату к шкафу: трусов нет, джинсов нет, рубашек нет, джемпера нет, дубленки нет. Она прошлась по всем трём комнатам, зажигая верхний свет и внимательно оглядывая обстановку. Нет музыкального центра, нет махрового халата, в прихожей нет Генкиных тапочек. Натка вернулась на кухню, уселась на табурет и принялась автоматически пережевывать огуречные кружочки, уставившись на разделочную доску, прислоненную стене. На доске было нарисовано красно солнышко и две птахи с затейливыми хвостами.

– Он что, ушёл? – спросила Натка сразу у всех, и у солнышка, и у птах, нервно постукивая ладонью о столешницу. – Он меня бросил, что ли? Бросил, да?

Доска, подпрыгивающая от похлопываний, допрыгалась – свалилась между столешницей и стеной. Натка полезла доставать и нашарила бумажку. Листок! Тот, что улетел с дверцы холодильника. Она вылезла из-под стола и прочитала:

«Нат, извини, так получилось. Надя ждет ребенка. Я буду жить у неё. Прости».

Есть ей расхотелось, а усталость навалилась глухой тупостью.

«Надя... Кто это – Надя? Бухгалтерша, что ли, его? Интересно, давно ли ждет?»

Натке почему-то казалось, что давно. Все двенадцать лет их с Генкой семейной жизни.

Глава 3

«Разведёнка-разведёнка, разведёнка-брошенка» – цоканье каблучков складывалось в издевательскую дурацкую рифму, непонятно откуда взятую. Натка спешила, и цоканье было шустрым. Она проворочалась почти всю ночь, уснула под утро и проспала. На работу собиралась по-солдатски за двадцать минут и теперь неслась к студии, снова опаздывая. Вбежала, на ходу здороваясь с вахтёршей, распахнула дверь (теперь Кешино!) кабинета:

– Доброе утро!

Картина повторила вчерашнюю: Кеша сидит за столом Нины и смотрит на часы на руке.

– Так, Никитина, опять опаздываем! На одиннадцать минут! А коллеги, между прочим, ждут тебя.

Прянишников повёл рукой в сторону журналистов, чинно рассевшихся вдоль стены на диванчике. Свободными оставались место с края диванчика и кресло возле Кешино стола. Она села на диванчик. Кеша сидел, по-бабьи подперев щеку рукой, и глядел на Натку с вялым осуждением. Может, тоже не выспался?

– Кеш, да ладно тебе. Ну, проспала. У меня ещё время толком не переключилось после Москвы. И вчера я отсюда ушла в восемь.

– Во первых, не Кеша, а Иннокентий Яковлевич, во вторых у тебя ненормированный рабочий день, так что на работу должна приходиться вовремя.

Читая нотацию, Кеша сел ровно и начал постукивать ручкой по разложенным на столе бумагам.

– Слушай, хватит меня воспитывать, а? – вспыхнула Натка. – Я, между прочим, вчера вечером задержалась, потому что твою работу делала – Анжелку правила. А ты мне тычешь какими-то минутами! Ну вот она я, дождались меня. Может, теперь про выпуск поговорим?

– А вот учить меня работать не надо. Начальник здесь я. И если тебе непонятно, что на работу надо приходиться вовремя...

– Кеш, извини, я опоздала, – в комнату влетела Марина Кудрявцева, быстренько плюхнулась в кресло напротив шефа, тряхнула головой, откидывая свою русую гриву за спину, закинула ногу на ногу и пристроила блокнотик поверх своей экстремальной мини-юбки. Приготовилась писать план сегодняшних новостей.

– Я много пропустила?

– Нет, Мариш, мы еще не начинали, – Прянишников в упор разглядывал Маринкин блокнотик и, похоже, несколько упустил нить беседы. – На чем мы остановились?

– На том, что ты здесь начальник – подсказала Натка.

– Точно. Слушайте, а как я вчера новости провёл? Нормально? – Кеша оглядел корреспондентов, явно ожидая восторгов и похвалы.

– Нормально провёл, – нейтральным голосом ответила Дина Дубинина. Остальной народ молчал.

– Никитина, а тебе понравилось?

– Не знаю. Я вчера выпуск не посмотрела, я во время эфира домой возвращалась. Наверное, нормально, ты же не в первый раз в кадре работаешь.

– Ну-ну, – помрачнел Прянишников, оглядывая корреспондентов. Те дипломатично отводившими глаза. – Ладно, давайте планироваться. Мариночка, пиши. Первым сюжетом пойдет материал от Лосевой из Москвы. Там Гудков чего-то с северным завозом решает, деньги выбивает авансом. Потом совещание по золотодобыче. Поедет Беликова. Так, затем из морпорта звонили, докерский профком опять бастует, поедет...

Прянишников опять сам раскидал все сюжеты, и опять все темы мимо Натки.

– Кеш, а мне что делать?

– А тебе, Никитина, готовых тем не хватило. Но уверен, ты справишься – ты же умеешь себе работу находить? Вот и поищи тему, подумай, может, надумаешь что по работе. И вообще

– Слушай, Нат, ты бы поаккуратнее с Иннокентием общалась. От вас просто искры летят, ты его заводишь, как красная тряпка быка!

Дина курила в открытую форточку. Идти на улицу, где как раз расплзались мокрые клубы тумана, привет холодного моря, было неохота. Некурящая Натка не возражала, а больше и возражать было некому. Остальные два стола в кабинете пустовали. Маруся Рюмина была в декретном отпуске, а Валера Кедрач приходил к двенадцати.

– Дин, да он просто цепляется ко мне. Тоже мне, начальник. Начальник, так наладь работу, а не гайки закручивай. Хронометрирует он меня, а сам по двадцать минут с утра про всякую фигню болтает. Вчера текст мой про это рукоделье детское править затеял, как будто я плохо пишу! А Анжелкины перлы пропустил, а там полный караул! Анна Ивановна вчера просто за голову хваталась от её текста! Самому же с этим её бредом в эфир выходить! Кстати, как он вчера смотрелся в новостях?

– Ужасно. Полкоробки театрального грима извел, пудры с килограмм, и все равно видно, что лицо нечистое. Хотя как ведущий отработал прекрасно, и выпуск выстроил грамотно. Слушай, а чего ты сегодня взвинченная такая? У тебя что-то случилось?

Натка вздохнула.

– Случилось. У меня, Дина, муж ребёнка ждет.

– Не поняла? – забыла про сигарету Дубинина.

– Генка, говорю, ребенка ждёт. От Нади. Он ушел к ней жить.

– Что, просто так собрал вещи и ушел? – хмыкнула Динка, затягиваясь.

– Ага.

– Счастливая!

– Кто? – опешила Натка.

– Да ты, конечно. Представляешь, счастье-то какое: мужик собрал вещи и ушел. Сам. Насовсем.

– Да ну тебя, пострадать не даёшь, – рассмеялась Натка, отмахиваясь.

Чему завидовала приятельница, было понятно. Для Дины лёгкое расставание с мужчиной было большой темой. Сначала она долго и тяжело расставалась с мужем. Когда устала терпеть скандалы с рефреном «твоя идиотская работа» и «нормальная жена должна дома сидеть», решила действовать. Купила, поднатужившись и набрав денег в долг, однокомнатную квартиру и предложила супругу туда переехать, а ей с сыном оставить двухкомнатную. Могла бы и по-другому решить: развод, раздел имущества. Тем более, что у супруга-предпринимателя и так была вторая двухкомнатная квартира, в ней он сделал офис. Но купить бывшему мужу квартиру, куда бы он мог уйти, Динке показалось правильнее. А мужу её показалось иначе. Он пару месяцев закатывал Динке регулярные истерики с разделом мебели и барахла и воплями, что все в этом доме куплено на его деньги.

Закончилась эта история забавно и неожиданно. Динка делала сюжет об американских миссионерах, наводнивших город – пять конфессий на городок с полутора сотнями тысяч населения! И герои её сюжета, мормоны, напросились к ней в гости. Пришли, огляделись: а давайте помолимся, чтобы в этом доме царили любовь и согласие! Помолитесь, Динка тоже, сложив ручки, попросила о своём, о девичьем. Минут через сорок после ухода мормонов в дом пришел её супруг и с криком «Я эту гребаную квартиру уже видеть не могу» собрал сумки и съехал.

Но на этом её тема с мужиками не закончилась. Не прошло и пары месяцев после исхода бывшего мужа, как Дубинину угораздило спутаться с Мишей Кривцовым. Она рассчитывала на необременительный секс, но старый неухоженный истосковавшийся по женской ласке холостяк Кривцов моментально врос в Динку всеми фибрами своей души, возжелал связать с ней свою судьбу и у неё поселиться. Причём произошло это столь стремительно – хватило нескольких свиданий, – что Динке пришлось отдирать его с мясом, и рана кровоточила до сих пор. Отодранный Кривцов теперь мстил. Он каким-то образом раздобыл американский грант, выпускал на него хилую предпринимательскую газетку и каждый раз находил повод написать в ней о женском коварстве. Коварную он описывал в самых нелестных эпитетах, и хотя имени её Кривцов в своих опусах не называл, все, кто знал об их с Динкой романе, отлично понимали, о ком идет речь.

– Нет, ну правда, Нат, – села рядом с ней Дубинина, – с чего ты расстраиваешься? Ты его любишь, мужа своего?

– Когда-то любила. Сейчас – не знаю.

Натка помолчала, собираясь с мыслями.

– Знаешь, я просто привыкла, что Генка есть в моей жизни. Он ведь первый у меня. И никогда другого мужчины у меня не было... Дин, мне страшно, я не знаю, как жить одной.

– Да как у нас большинство тёток живет! Ты посмотри, кто из наших теледам при муже? Я развелась, Ленка Ступина развелась, Ольга-режиссёрша своего алкаша выгнала. Дуся вообще никогда замуж не ходила, Кира одна живет, Анька Беликова и Маринка Кудрявцева тоже замуж не торопятся. Умные потому что.

– Лемешева у нас счастливая супруга. И Маринка, вроде, живет с кем-то. Он у нее какой-то тренер по лыжному спорту, – возразила Натка.

– Да? Ну, дай им бог, хотя Маринка мало похожа на верную жену, в таком-то мини... Насчёт Танечки – разговор отдельный, сама понимаешь. Кто у нас ещё? Степнова со своим мужиком регулярно разводится. Заявления подает, потом забирает. Я точно знаю, у меня подруга в суде работает. Только у Лисовской крепкая семья, наверное, потому что еврейская.

– Грустная картина, что-то я даже не думала об этом. Получается, либо семья, либо работа?

– Получается, у кого что получится. А факт, что не всякий мужик жену-журналистку выдержит. А то, что Генка твой ушёл – не катастрофа. Что ты, сама, что ли, не проживешь? Зарабатываешь хорошо, квартира у тебя есть, теперь ещё и свобода. Подожди, еще оценишь, какой подарок тебе сделал муж своим уходом.

– Кто от кого ушел? – в кабинет вошел Кеша Прянишников и с интересом уставился на женщин. Натке показалось, что он даже дышать перестал от любопытства.

– Никто, это мы так, о преимуществах развода, – быстро ответила она.

– Известно, какие преимущества – мечтательно расслабился Прянишников, – можно спать с кем хочешь. Вот ты, Никитина, если бы была в разводе, могла бы спать со мной!

– Кеш, иногда твои шуточки граничат с сексуальными домогательствами, – фыркнула Натка. – Твоё счастье, что мы не в Америке, а то подала бы на тебя в суд.

– Да ладно тебе, не трепыхайся. Я гипотетически. Я что зашёл-то. Тут из Москвы звонили, просят с мужиком одним связаться. Он к ним в передачу письмо прислал, что очень красивый и хочет лицо своё продать. Для рекламы, что ли. Найди его, вот адрес. Поговори, вдруг псих какой.

Натке в Кешином голосе послышалась надежда: а вдруг и вправду псих? То-то она с ним повозится!

По адресу оказался дом-развалюха на окраине Северска. На звонок никто не ответил, и Натка сунула в почтовый ящик записочку. Так, мол, и так, съёмочная группа северского

телевидения желает с вами пообщаться по просьбе московского телевидения. Позвоните! И вернулась на студию.

– Ой, Никитина, привет! Ты уже вернулась! Что-то ты бледная какая-то, осунулась. И потолстела!

– Тань, ты бы определилась в комплиментах. Если я осунулась, то как же я потолстела, – ничуть не обиделась Натка.

Обижаться на Лемешеву, с которой они столкнулись в коридоре, было бесполезно. Лемешевой Танечка стала всего два месяца как, прежде была Горбач по второму мужу, но ни смена мужей, ни смена фамилий не поколебали её взгляда на себя и остальных. Лемешева обладала комплексом стопроцентной полноценности, была абсолютно уверена в своей неотразимости, таланте и сексапильности. Бог-отец и мать-природа наделили Лемешеву милотвидным лицом с глазами в пол лица и губками бантиком, тёмными прямыми волосами ниже плеч и фигурой в форме гитары. Всё это приправлялось Танечкиной уверенностью, что всё и все в этом мире – лишь фон для её неотразимости. Чужие жизни, успехи, наряды она прикладывала к себе, любимой, как к эталону. Если прикладываемое до эталона не дотягивало, Танечка снисходительно давала советы из разряда «делай как я». Если же эталон затмевало, Танечка злилась, поджимала губки и говорила гадости вроде «Как ты вечно умудряешься за полцены находить себе приличные вещи. У тебя, наверное, нюх на дешёвку» или «Как на тебя с таким задом мужики смотрят? Или твоим всё равно, с кем спать?»

Поначалу Лемешева раздражала Натку чрезвычайно. А потом она как-то привыкла к её «неотразимости» и стала наблюдать за Танечкой, как за диковинной зверушкой, которая живёт в своём мире, заявляет о своей системе ценностей и виртуозно эти ценности перетасовывает при необходимости. Наблюдала, как Танечка отбила Лемешева у своей подруги. Он числился у подруги в женихах, а та сначала обсуждала с Танечкой сложности своих с Лемешевым отношений, а потом позвала их обоих в ресторан свой день рождения отмечать.

Не известно, на что рассчитывала подруга – может, на Танечкин совет, может, на жениховскую стойкость, а, может, и на тот финал, что случился, но Танечка затащила Лемешева в постель в тот же вечер. Она после, закатывая глаза и с придыханием, рассказывала Натке с Динкой про новую любовь и неземную страсть, которая вспыхнула сразу и внезапно. Натка неземную страсть расшифровывала так: парень то ли слаб оказался, то ли слишком пьян в тот вечер, чтобы сопротивляться Танечкиным флюидам. А флюиды Танечка излучала всегда на любую, более-менее на её взгляд перспективную, особь мужского пола.

Лемешева умела смотреть как-то по особому. Натка однажды её взгляд перехватила. Гудков привозил в Северск одного из министров и устроил ему пешую прогулку по Аллее памяти. Аллея начинается как раз возле студии, там лимузины и высадили губернатора с именитыми гостями. Натка, Танечка и Дина в это время стояли на крылечке, курили-трепались. Естественно, во все глаза на министра уставились: молодой, высокий красавец с улыбкой, растиражированной СМИ. И тут Натка краем глаза зацепила, как на министра глядит молодожёнка Лемешева, и уставилась уже на нее. Во взгляде Танечкиных распахнутых в пол лица глаз был и вызов, и обещание, и приглашение, и сообщение: «Я – приз. Ты меня достоин?» И министра – холёного балованного красавца, столичного плейбоя – зацепило! Он стал оглядываться на Танечку, и будь один, и не всучи ему Гудков венок для возложения к стене Памяти, не нацелься телекамера круглым внимательным зрачком – подошёл бы, точно, подошёл. И кто знает, не получил бы тогда отставку свежее испечённый муж Лемешев...

Так что при Танечкиной манкости бедному Лемешеву, необстрелянному отпрыску одной из богатейших в городе семей, выбора не оставалось. Танечка назначила его в свои следующие мужья – Горбач отказался от этой роли, устав за семь лет от истерик, лжи и левых романов – и парень попался. Далее Натка наблюдала образцово-показательную свадьбу –

Лемешева приносила фотографии, где она, прекрасная, в белом пышном платье и с фатой. Будто впервые замуж выходила, а не по третьему разу! И образцово-показательную семейную жизнь. Танечка беспрестанно рассказывала, как она теперь счастлива, и как она любит своего котика. А уж он так её любит, так любит!

Лемешев тоже участвовал в показательных выступлениях: носил букеты прямо на студию и вручал в фойе при всем честном народе. А Танечка ставила эти букеты в своём кабинете, нюхала, томно прикрывая очи, и вздыхала «Ах, не взглянул бы кто мое счастье. Люди так завистливы!»

Натка офигевала от Танечкиных талантов к показухе. И жалела Лемешева. Сама как-то слышала, как Танечка сварливым голосом велела своему коту явиться в студию с цветами ровно без десяти шесть. «Что значит, ты не успеешь? Что значит у вас до шести совещание? Да после шести в студии уже половина народу разбежится! Так, я сказала – без десяти шесть!» И принес, болезный! И вручил, и расцеловал Танечку при свидетелях. А Танечка ахала и зарывалась лицом в бутоны: «Ты ставишь меня в неловкое положение, милый, нельзя же так афишировать наши чувства». В общем, наблюдать за Лемешевой было интересно. А беседовать с ней – прикольно.

– Ну, что ты скажешь о моей новой авторской передаче? – спросила Лемешева и сделала благосклонное, готовое к чужим восторгам лицо.

– Какая? – не поняла Натка. – «Спроси у Тани»? Так разве она новая? Ты же её три месяца как ведёшь!

– Ну, ты, Никитина, даёшь! – презрительно выгнула бровь Танечка. – Ты что, вчера не смотрела, что ли? Вся студия обсуждает, а ты и не знаешь. «Спроси у Тани» я уже переросла. Я новую передачу придумала, «Перекрёсток», приглашаю героев в студию и беру у них эксклюзивные интервью.

– Ты придумала интервью в студии? Слушай, по-моему интервью – это классика жанра.

– Классика жанра – твой вчерашний сюжетик про детское творчество. Хотя про лоскутки и старые тряпки, и про голь, которая на выдумку хитра, ты ввернула удачно. Кеша, что ли, подсказал?

– Нет, Танюш, все сама и только сама, – отмахнулась Натка от подначки. И тут же забыла про Танечку, заметив дальше по коридору Веру Чудину, главного режиссера.

– Вера! Чудина! Можно тебя на минуточку?

Вера стала главным режиссёром месяца четыре назад. Стала с благословения Степновой. Чудина была очень талантлива и перспективна, Нина, уставшая от постоянного пьянства и откровенной халтуры Германа Штоца, сместила его с главрежского кресла и отдала место Вере. В результате в эфире появились симпатичные отбивки между передачами, сами передачи сменили оформление, появилась парочка новых интересных проектов. Чудина спокойно, исподволь, без шума, пыли и революций навела порядок в режиссёрском хозяйстве и канал растерял остатки местечковости, которую Герман (очевидно, от неспособности и лени что-либо сменить) берёг и называл «лицом канала».

Натка догнала Чудину у дверей съёмочного павильона:

– Вера, мне нужно попробоваться на ведущую новостей. Зоя уехала, осталась только Маринка, а у меня диплом, и Прянишников сказал сделать пробы и обсудить на худсовете!

– Да? Ну, хочешь, давай прямо сейчас пробуйся. У меня павильон с двух до четырех заказан, а Федорчук застрял где-то, звонил, что на полчаса задерживается. Пойдешь?

– Сейчас? Слушай, у меня причёски нет, и не накрашена я толком. Картинка будет плохая.

– Нат, ну тогда только через неделю, остальное время расписано.

– Ладно, фиг с ней, с причёской. Пошли сейчас!

И Натка потянула на себя дверь павильона.

В качестве ведущей она в этой студии уже работала – провела парочку прямых эфиров с депутатами городской Думы. Но это были скорее диалоги перед камерой. Ведение же новостей требовало других ракурсов, другой осанки, другого взгляда в камеру, другого темпа речи. И ей уже не терпелось увидеть – каких?

Она уселась в выгородку для новостей, оператор Борисыч выставил свет, прикрепил микрофон, встал за камеру. Вера наблюдала за всем этим сверху: павильон был высотой в два этажа, режиссёрский пульт находился на втором этаже, режиссёр выглядывал из окошка под самым потолком, с места его было не разглядеть. Оставалось слушать по громкой связи.

– Готова? – спросила Вера из-под потолка.

Натка кивнула.

– Сядь немного наискосок. Левое плечо слегка назад, правое вперед. Спину ровнее. Нос не задирай. Чуть отпусти подбородок. Так, можешь читать. Мотор! – скомандовала Чудина.

По экрану суфлёра поползли строки, и Натка принялась читать вчерашние новости. В той позе, в которую её закрутила Вера, она чувствовала себя по-дурацки, однако постаралась сосредоточиться на тексте и прочесть его внятно и напористо.

– Стоп! – вмешалась Чудина. – Нат, ты слишком быстро читаешь. Смени темп, постарайся интонировать получше. Не торопись! И улыбайся. Мотор!

Натка принялась читать заново, стараясь замедлить темп и подпустить модуляций, одновременно растягивая губы в легкой полуулыбке. «Интересно, чего это Чудина меня улыбаться заставляет? Кудрявцева с таким лицом читает – снежная королева. И ничего, отлично смотрится».

– Нет, Наташ, что-то не то! Василий Борисыч, поднимите ей стул повыше!

Борисыч нажал рычажок под сиденьем, и Наткин стул подрос сантиметров на десять. Теперь она сидела левым плечом назад, правым вперед, локти висели в воздухе.

– Так! Возьми в руки что-нибудь! – скомандовала Чудина. – Ручку возьми. Спину прямо, подбородок прямо, улыбайся, мотор!

– Здравствуйте! В эфире новости, – завела Натка по третьему разу, стараясь не крутить в пальцах ручку, держать спину, помнить про темп, интонировать и улыбаться. Чувствовала она себя при этом полным чучелом.

– Слушай, Вер, – сдалась она, наконец, – я все-таки не могу так, с наскока. Давай на следующей неделе? Я хоть подготовлюсь морально и физически.

– Смотреть будешь, что получилось?

– Нет, я и так знаю – получилась идиотка с резиновой улыбкой!

– Не, в первый раз у тебя хорошо было, – возразил Борисыч, который уже снял свои наушники и помогал отстегнуть микрофон-петличку. – Это просто Вера от Лисовской еще не отвыкла, вот и попыталась тебя под неё выстроить.

Действительно, согласилась Натка, вспомнив Зою. Высокая, с длинной гибкой шеей, длинными тонкими пальцами, которыми красиво держала ручку. Жаль, что Лисовская ушла. Новости она вела потрясающе. В камеру смотрела так, будто рассказывала что-то хорошее и именно тебе. Интонации звенели радостью, отчего к новостям хотелось прислушиваться – что же там такого случилось замечательного? И в общем-то понятно, отчего Вера из неё сейчас Зою лепила, – тоже жалела, наверное, что Лисовская ушла. Они втроем, Зоя, Вера и Федорчук, были командой и делали передачи, которые собирали премии и дипломы на региональных телеконкурсах.

Да, Натка не Зоя. Ладно, повторим через неделю, пусть Вера смирится, что Лисовскую не вернуть.

Глава 4

Всё ещё переживая, что проба сложилась неудачно, она вернулась в кабинет.

– Слушай, тебе тут какой-то мужик звонил! – оторвалась Динка от сценария, когда Натка вошла.

– Генка?

– Нет, какой-то Константин Игоревич. Говорит, ты его на съёмку приглашала. Сказал, через полчаса перезвонит.

– А, этот, красавчик!

– Что за красавчик?

– Ну, Кеша утром мне поручил с мужичком связаться, помнишь? Который такой красивый, что хочет продать своё лицо для рекламы.

– И что, в самом деле красивый?

– Не знаю, я его дома не застала. Может, урод.

Зазвонил телефон, Натка подняла трубку:

– Алло!

– Наталья Андреевна, к вам посетитель, Константин Игоревич. Он на проходной.

– Сейчас выйду, – кивнула Натка. – Вот, помяни чёрта. Сейчас увидим, красивый или нет. Он уже явился, на проходной ждёт.

На проходной Натку ждали двое. Высокий худощавый мужчина лет тридцати и невысокая полная женщина лет пятидесяти. «Маму, что ли, притащил?», – гадала Натка, быстро выписывая им пропуски. Она привела гостей в свой кабинет, посадила напротив себя, выдала по кружке с чаем, попутно рассматривая красавца. Мужик, действительно, был хорош. Тёмные волнистые волосы зачесанные наверх, серые глаза в чёрных загибающихся ресницах, чёткая лёгкая линия бровей. Правда, тонкие губы, хрящеватый нос с несколько резким вырезом ноздрей и острые ушные раковины делали его похожим на красивого, но злого эльфа. «Есть в нем что-то такое, гнильца какая-то. Как в перезрелом помидоре», – подумалось Натке. «Лежит красавец-помидор, показывает тугие сочные бока. А попытаешься в руки взять – лопнет и растечется по пальцам томатной жижей».

– Константин Игоревич, а сколько вам лет?

– Мне тридцать два года.

– Как вам пришла идея продать свое лицо?

– А у меня нет другого выхода. Ради любимой женщины я готов на всё. Я так и написал на передачу. Пусть будет хоть кривая, хоть рябая, хоть старуха древняя – на всё готов.

– Так, стоп, стоп, с этого места подробнее, – встряхнула головой Натка, – На что именно вы готовы с кривой рябой древней старухой?

– Я готов продать себя за тридцать тысяч долларов любой женщине и жить с ней, нелюбимой, до конца жизни!

Динка, сидевшая за спиной красавца оторвалась от своего сценария и вытаращила глаза.

Он что это, всерьёз? Натка почувствовала азарт – снимаем!

– Вы готовы повторить это перед камерой?

– Готов.

– Тогда посидите минуточку.

Она выскочила из кабинета и побежала в операторскую. Там сидел и курил одинокий Ежов, старший по операторам.

– Анатолий Иванович, миленький, мне срочно нужна съёмка на полчаса! Срочно! У меня там такой кадр пришел! Продавать себя хочет за тридцать тысяч долларов! Надо интер-

вью записать. Я знаю, что камеру надо с утра заказывать, но он пришел без предупреждения, такой материал, нельзя упускать. Анатолий Иванович, выручайте!

– Тихо, тихо, не егози, – Ежов загасил окурок в облезлой баночке из-под растворимого кофе и открыл журнал с записями.

– Так, третья камера свободна до трех, сейчас половина, полчаса у нас есть. Где пишем?

– У меня в кабинете. Спасибо, Анатолий Иванович! Я к гостям вернусь, а вы подтягивайтесь!

Натка вернулась в свою комнату. Мама Константина Игоревича в смешной кофте с люрексом сидела и смотрела перед собой неопределенным рассеянным взглядом. Динка курила в форточку и отвечала на вопросы Константина Игоревича про телевидение. Константин Игоревич сидел, вольготно развалившись в креслице, закинув ногу на ногу. Натка оглядела его ещё раз, теперь – как персону в кадре.

Тёмные волосы закрывают шею и загибаются за ушами неопрятными прядями. Ничего, терпимо. Одет в светлый крапчатый пиджак – Натка видела такие на местном рынке. Из-под пиджака виднеется сине-серая клетчатая фланелевая сорочка, из-под сорочки выглядывает серая футболка. Так, до пояса в кадр брать можно. Общий план?

Натка поглядела на обтрёпанные чёрные суконные штаны и разбитые толстые ботинки, из которых выглядывали серые шерстяные носки ручной вязки. «Общий план брать нельзя. Да, поиздержался мужичок. Неужели кроме натуры зарабатывать нечем?»

– Константин Игоревич, а почему всё-таки такое радикальное решение? Вы не пробовали заработать как-нибудь по-другому, без продажи в чужие руки? – спросила она

– По-другому я не смогу заработать столько, чтобы решить сразу все проблемы. У меня рабочая специальность, я закончил училище по специальности «контрольно-измерительные приборы», но без связей ведь хорошую работу не получишь! Я грузчиком пробовал работать, ремонты делать в квартирах – но это всё не то, не моё. Я знаю, что способен на большее, но здесь у меня нет возможностей развивать свою личность. У меня любимая женщина...

Константин Игоревич мотнул подбородком в сторону своей спутницы и продолжил:

– Престарелые родители («Не такая уж и престарелая его мама!»), – мелькнуло у Натки), маленький ребенок. И они ждут, что я, как сын, мужчина и отец изменю их жизнь к лучшему, защищу их и обеспечу. И я принял это решение и позвонил в Москву на телевидение.

– Вы знаете, он такой деликатный, он не хотел меня расстраивать и ничего мне не сказал, – вдруг заговорила женщина.

– Я узнала, что он решился на это только тогда, когда позвонили из Москвы и стали расспрашивать про Костю. Спросили, как я отношусь к его решению продать себя. А потом спросили, кто я. Я ответила, что гражданская жена, а они бросили трубку.

«Так она ему жена!!!» Видимо, Натка не смогла совладать с лицом, потому что женщина принялась объяснять:

– Конечно, я старше Кости на двадцать лет и сейчас, когда я долго проболела, эта разница очень заметна. Но когда мы полюбили друг друга, а мы уже два года вместе, мы были хорошей парой.

Натке не очень верилось, что эти двое были хорошей парой. Константин Игоревич с замашками баловня и любимца и его подруга, усталая, погасшая рыхлая женщина с блёклым лицом.

Тем временем Ежов установил камеру и уже прилаживал микрофоны-петлички обоим героям.

– Как вас зовут? – спросила Натка женщину

– Валентина.

– Валентина, вы готовы рассказать историю своей любви с Константином?

– Ну, если это ему поможет, то готова.

– Вы готовы к тому, что сюжет про вас увидят ваши друзья и знакомые?

– Пусть видят. Мне уже столько раз кости перемывали. Я ведь с мужем двадцать два года прожила, двоих детей ему родила, – начала рассказывать Валентина, и Натка сделала знак Ежову – пишем.

– Вроде хорошо жили, в доме всё было. Но я никогда не любила мужа по настоящему. Чувства к нему у меня не было. А встретила Костю... Знаете, я ведь не сразу поняла, что Костю люблю. Я мастеров вызвала замок в двери менять, и Костя пришел с товарищем. Поменяли замок, я их чаем напоила. Смотрела на Костю и думала: какой красивый мужчина. А он потом один вернулся и пригласил меня в кино. Представляете? Я в кино не помню сколько лет не ходила! Я согласилась, мы смотрели очень красивый фильм про море. Костя взял в темноте мою руку, и у меня просто ноги отнялись. А потом мы гуляли по парку, и Костя читал мне стихи и целовал мне руки...

Валентина вытянула вперед руку и посмотрела на нее. Тыльная сторона кисти была покрыта мелкими пигментными пятнышками. Ногти были чистыми и блестели розоватым прозрачным лаком.

– У меня никогда так не было. Пятьдесят лет прожила и такого не знала! Мы стали с Костей встречаться, он потребовал, чтобы я переехала к нему. И я подумала: для мужа и детей я уже пожила. А для себя сейчас жить начну. Сколько бы эта наша любовь не продлилась – вся моя. Попыталась объяснить всё мужу, но он очень на меня обиделся. Сказал, что если уйду, то нет у меня больше дома. И дети сказали, что я сошла с ума. Сошла, наверное, – улыбнулась Валентина слабой улыбкой, и Натка увидела в её глазах отблеск той давней влюбленности.

– Я ушла от мужа, Костя ушёл от своей жены. Жить мы стали в домике его приятеля, тот сдал нам его недорого. Знаете, трудно было очень. Все мои друзья и знакомые от меня отшатнулись, дети говорили, что я предала папу. Никто не захотел понять, что это – настоящая любовь, ради которой ничего не жаль. Муж подал на развод, оставил меня, в чём была. А мне ничего и не нужно было. Я тогда хорошо зарабатывала. Я ведь бухгалтер, несколько предприятий вела. И нам хватало на жизнь, и Костиной жене мы помогали. Там ведь ребёнок годовалый остался. Костя все никак устроиться не мог на хорошую работу. Не грузчиком же ему идти! Там все грубые, пьют, а он такой нежный, ранимый, романтичный. У нас такая любовь была! Он такие слова мне говорил – я за всю жизнь столько красивых слов не слышала, как от него всего за месяц! Он так красиво ухаживал! Чуть где найдет какую подработку – купит цветов на все деньги и мне дарит! Я с ним два года прожила как в сказке! А потом болеть стала – пол в домике холодный, сквозняки всё время. Вроде и старалась потеплее одеваться, но нет-нет, да и протянет. Я всё покашливала, а потом с воспалением лёгких в больницу попала. Потом по женской части болеть начала. Работать я уже как раньше не могу, хорошо хоть сейчас пенсию северную оформила. Костя в долги влез, а отдавать нечем – нет для него работы в городе. Поэтому когда я узнала, что он продать себя решил, подумала – пусть попробует. В Москву сможет уехать, может, манекенщиком станет. Или на телевидение работать возьмут. Он ведь такой красивый! Правда, хоть и мужчина, красота его тоже проходить начала. Раньше когда по улице шли, все женщины на него оглядывались. А теперь вот не оглядываются...

– Спасибо, Валентина. Константин, а как вам вспоминается начало вашей истории? – повернулась Натка к красавцу

– Ну, все случилось легко и непринужденно, – начал он, обхватив колено замком из тонких сплетенных пальцев. Натка заметила под его ногтями чёрную кайму.

– Мы полюбили друг друга, это была какая-то неземная, инопланетная, я бы даже сказал – марсианская любовь. К сожалению, окружающие не смогли нас понять и осудили наше чувство. Даже мои родители, близкие мне люди, пытались убедить Валентину, любимую

мою женщину, отказаться от нашей любви! Но я их за это не осуждаю. Мало того, я готов их содержать и всячески помогать, как только найдётся богатая женщина, которая меня купит. Я готов жить с ней, быть с ней, исполнять её прихоти. Да, я фактически продаю себя в рабство, но я готов пожертвовать своей свободой, своей красотой ради счастья близких мне людей – моего сына, моих родителей, моей любимой женщины.

«Лопнул помидор», – подумала Натка. Красавчик брызгал томатной жижей ещё несколько минут, а Натка рассматривала Валентину и думала: а смогла бы она вот так? Не влюбится по молодости, когда всё – в будущем, а кинуться в любовь, как в омут, не оглядываясь на прожитую жизнь, оставляя всё в прошлом и истово веря в своё право быть счастливой? Нет, скорее всего, не смогла бы. Тем более если в этом омуте такой вот чёрт-паразит дожидается, как этот... проститут.

– Ох...! – нецензурно прокомментировал обычно флегматичный Ежов, когда Натка закончила съёмку и попрощалась с гостями, а Динка пошла проводить их до проходной.

– Это ж как земля таких гнид на себе носит? Сидел сначала на шее у родителей, потом у жены своей, потом этой бабе жизнь поломал, а теперь, когда с той взять нечего, решил в Москве богатую дуру поискать! Ну, козлина!

– И вас проняло? – откликнулась Натка. – Да пусть ищет и пусть найдёт. Там, в Москве, хищниц много, приспособят. А так хоть освободит бедную Валентину. Анатолий Иванович, спасибо вам большое, такой материал мы с вами сняли!

– Да ладно, делов-то. Ну, козёл мужик!

Оператор вытаскивал аппаратуру из кабинета и все ещё переваривал услышанное. Вернувшаяся Динка посторонилась в дверях, пропуская Ежова.

– Слушай, Нат, офигенный материал! А сделай сюжет мне в «Курсив». Тут история минуты на четыре тянет, как раз мой формат.

– Ну, и как тебе всё это? Если по-человечески посмотреть?

– Грустная история. Позволила женщина себе безоглядную любовь и вляпалась по самое некуда.

– А я злюсь сейчас. И на жигало этого зачуханного, и на родственников этой Валентины. Обиделись они! Ах, предательница, ах мы такие гордые и чистые. Ладно, муженёк, рогом упёрся, видать, жлоб порядочный, раз она от него к этому клоуну ушла. А дети о чём думают? Мать ведь! И в беду ведь попала! Ох, и сюжетик я сделаю! Чтобы проняло всех этих чистеньких до самых пяток!

– Девчонки, привет, – в комнату вошел Валера Кедрач. – О чём шумим?

Он бросил портфель на стул, а сам уселся на угол своего стола и уставился выжидательно.

– Да ты тут самое интересное пропустил, – откликнулась Динка, – к Натке только что красавчик один приходил, хочет продать себя за тридцать тысяч долларов.

– Нат, за хорошего мужика это недорого. Бери! – посоветовал Кедрач.

– За этого и три доллара перебор! – фыркнула Натка.

– Тогда не бери. О чём сюжет-то будет?

– О несчастной женщине, которая влюбилась в паразита и поломала себе жизнь.

– Слушай, а давай мне в «Добрый вечер», мне как раз истории про жизнь нужны.

– Стоп-стоп-стоп, Натка уже пообещала сделать сюжет мне в «Курсив», – запротестовала Динка.

– Дин, но у тебя ведь деловая передача, какая там может быть любовь. Про любовь – это ко мне! – заспорил Кедрач

– Дети, не ссорьтесь, – похлопала Натка в ладоши. – Хватит делить шкуру неубитого медведя!

– Как это неубитого? А чем ты тут тогда полчаса занималась? – удивилась Динка.

– Хорошо, – согласилась Натка, – неосвежёванного медведя. Сделаю сюжет, как душа требует и погляжу, что получится. Под чей формат подойдёт, тому и отдам.

– Договорились, – согласился Кедрач. – Девчата, я тут фотографии напечатал с конкурса, показать?

Не дожидаясь ответа, он дотянулся до портфеля и вытащил толстый конверт с фотографиями. Валерка возил дочку в Италию на европейский конкурс по бальным танцам, теперь хотел похвалиться. Кедрач, отец двух детей, отцом был образцовым. Старшей, двенадцатилетней дочерью, он гордился чрезвычайно. Девочка занималась бальными танцами, оказалась очень способной, и Валера раз в год непременно вывозил ее на какие-нибудь конкурсы. Ему, с учетом дороговизны дороги из Северска, влетало это в копеечку, но Кедрач умел делать деньги. Он даже мобильным телефоном обзавёлся, нереально дорогой роскошью, который ему подарили и который был ему нужен по делу. Кедрачу звонили заказчики, которым он делал заказные фильмы, рекламные ролики и коммерческие передачи.

Дети у Валерки были славные, младший пацан – вылитый папа. А вот с женой было что-то не то. Натка как-то встретила всё семейство Кедрачей на улице, и её поразил контраст между светлым, веселым, улыбчивым Валерой и его хмурой и недовольной женой. Он был как солнышко, она – как туча.

На столе у Кедрача зазвонил телефон.

– Алло, – ответил Валера. – Петька, ты хитришь. Конечно, я знаю, сколько будет два плюс восемь умножить на три. Но если я тебе сейчас скажу, то это я задачу решу, а не ты. Ты лучше вот как сделай: нарисуй... что там у тебя в задаче? Яблоки? Вот и нарисуй два яблока... Ну просто кружочки нарисуй. Нарисуй три большой кружка, в каждом нарисуй по два синих и по восемь красных. И сразу твоя задача решиться, вот увидишь.

Кедрач, спокойно и неторопливо, с явным удовольствием разговаривал с сыном, а Натка перебирала фотографии. На них танцевала и улыбалась тоненькая девочка в блестящем платье. Смотреть на неё было приятно.

И ещё до неё дошло – и в тот раз, когда позвонили насчёт красавца на проходной, и в этот, когда позвонил Валеркин Петька, сердце сначала ухало от ожидания, что звонит Генка. А потом – от разочарования, что не он. И весь оставшийся день, занимаясь текстами и сюжетом, Натка исподволь ждала Генкиного звонка.

Глава 5

Дома ожидание звонка от мужа навалилось такой глыбой, что всё просто валилось из рук. Разбив тарелку и опрокинув сахарницу, Натка усадила себя пить чай и теперь болтала ложечкой в своей чашке с маками. «Почему же он не звонит? Написал записку, и всё? Решил, что поставил точку? В конце-концов, двенадцать лет прожили, можно хотя бы поговорить со мной». То, что муж ушёл насовсем и окончательно, в голове никак не укладывалось. Казалось, исчез на недельку и опять появится, как исчезал и появлялся весь их последний хлопотный год. А появится – она с ним поговорит и хотя бы постарается всё исправить.

«Самой ему позвонить? А куда?» Из квартиры, где Генка держал офис, он съехал как раз перед её отъездом в Москву, нового адреса и телефона Натка узнать не успела. Из известных телефонов оставался только домашний номер носатого помощника Димочки. «Димке домой, что ли, позвонить? Неудобно как-то». . . От этих размышлений Натка особенно сильно махнула ложечкой, от чего чашка с маками опрокинулась на бок, плеснув на колени уже остывшим чаем. Натка вскочила со стула и, решившись, набрала Димкин номер.

– Алло, добрый вечер, пригласите, пожалуйста, Дмитрия!

– Я тебе приглашу, так приглашу, что имя свое забудешь! Совсем, шалава, стыд потеряла, домой уже к нам названиваешь!

Брань в трубке была настолько неожиданной и явно не по адресу, что Натка первый десяток секунд оторопело выслушивала гневную тираду, судя по голосу, Димочкиной жены, и только потом решительно перебила:

– Извините, я не знаю вашего имени-отчества. . .

– Еще бы меня всякая дрянь знала по имени-отчеству!

– Я жена Гены Никитина. Мне нужно поговорить с Дмитрием.

Трубка захлебнулась на полуслове, а потом сказала:

– Извините. Я думала, кто-то из его поблядушек звонит. Я не могу пригласить Диму к телефону, он уже третий день не ночует дома.

– Как, и ваш тоже? – невольно вырвалось у Натки, и она, стремясь сгладить неловкость, зачастила:

– Понимаете, я была на сессии в Москве целый месяц, потом вернулась, и Гена мне ничего не сказал. А на следующий день собрал вещи и ушёл к какой-то Наде. Написал мне записку, что она беременна. И даже не поговорил со мной. Я хочу найти его и обсудить, что дальше делать. Имущество как делить. И не знаю, где его искать. Я подумала, может, Дима знает?

– Дима, может, и знает. Вот только кто бы знал, где он, этот Дима? Эх, Наталья, Наталья, что же вы так плохо за мужем следили? И сам загулял, и моего Димочку с толку сбил!

– Извините. До свидания, – Натка положила трубку. Что ещё она могла сказать этой женщине? Что никогда не ставила себе задачу следить за собственным мужем? Что всегда доверяла ему и считала недостойным ревновать и вынюхивать? Что так закрутилась в своей журналистской теле-жизни, что не сразу заметила, как между ними возникло отчуждение? А как заметила, ждала, что всё само собой уладится? Что и рада бы все исправить, но поздно уже?

Она вынырнула из своих горьких мыслей и обнаружила, что стоит, уставившись на книжный стеллаж. Книги стояли плотно, сверху вишнёвой шеренги томиков Моэма – Генка когда-то выиграл в лотерею, радовался! – выглядывал коричневый кожаный корешок их семейного альбома. Натка вытащила его и начала листать, разглядывая любительские, ещё черно-белые фотографии. Вот их самая первая с Генкой совместная фотография. Причёмски у обоих почти одинаковые – темные волосы до плеч. Какими же они были смешными в восем-

надцать лет! Познакомились они на первом курсе Томского политехнического, и было это совсем не романтично. Натка тихонько хихикнула, вспоминая, как.

Их институтская библиотека считалась одной из лучших технических библиотек в Сибири и занимала отдельное трёхэтажное здание из стекла и бетона. Обычно Натка часами пропадала в зале технической литературы, переписывала статьи из толстых журналов и переводила их с английского. За перевод их пожилая нервная англичанка спрашивала ох как строго, а на вынос журналы библиотекари не давали категорически. И правильно делали. В их общаге книжки и учебники заигрывались на раз-два-три и не уследить, кто умыкнул. А как уследить, когда в комнате живут пять человек и день-деньской толчется масса народа. То мальчишки клянчат конспекты списать, то девчонки одалживают соль-хлеб-пару картофеля, то в гости кто забежит, просто так, посидеть. Нет, ценные вещи из их комнаты, тьфу-тьфу-тьфу, не пропадали. И учебники сотоварищи могли «заиграть» не по злому умыслу, а потому, что не всегда помнили, откуда он к ним «приплыл».

У Натки так в первом семестре увели учебник по теоретической механике. И хотя после зимней сессии учебник нашёлся – кто-то сдал в библиотеку – она решила больше не рисковать (штрафы за утерянный учебник в библиотеке грозились слупить в пятикратном размере стоимости) и по возможности заниматься вне общаги. Тем более что библиотека к этому очень даже располагала: тихо, светло, музыку никто не крутит, телевизор не включает. Кушать хочется – пожалуйста в буфет. Другая какая нужда – туалет в трех шагах в отдельном коридорчике. Коридорчик делил квадрат этажа поперек и как бы связывал два зала, технической литературы и гуманитарных наук.

В день встречи с Генкой Натка сидела с конспектами не в привычном техническом зале, а в гуманитарном. Выписывала в свою тетрадку про эстетические предпочтения первобытных людей, рассматривала фотографии с палеолитическими Венерами. Представления первобытных скульпторов о женской красоте были до предела лаконичными: ни головы, ни рук, только пышные груди и мощные целюлитные бёдра. Такая вот мечта доисторического эротомана. Натка даже перерисовала одну такую картинку в свой конспект, для наглядности. Потом заторопилась в туалет – терпела до последнего, чтобы всё закончить и не возвращаться. Быстренько сдала книжку, тетради и ручку с фломастерами сунула подмышку – сумки заставляли оставлять в гардеробе – и скорее-скорее помчалась в заветный коридорчик, в дверку направо. Вбежала в туалет задорной рысью – каблучки звонко цокали по каменному полу – и встала, как вкопанная, разглядывая часть мужской фигуры. Серые джинсы, синий джемпер, темноволосый затылок. Парень стоял, почти полностью скрытый перегородкой кабинки и, судя по всему, чувствовал себя вполне комфортно.

Натке сразу же расхотелось. Сначала от возмущения: что этот тип делает в женском туалете? Потом от ужаса: это она стоит посреди мужского туалета! Это со стороны зала технической литературы женский туалет – дверь направо. А со стороны гуманитарных наук – дверь налево. Получается, свернула не в ту сторону!

Всё это вихрем пронеслось в её голове, Натка развернулась на сто восемьдесят градусов и – быстрее, быстрее, пока тип не оглянулся – понеслась к выходу. У порога споткнулась, взмахнула руками и ручка, фломастеры и тетрадь шустро разлетелись по полу мужского туалета. Тетрадь раскрылась в полёте и теперь красовалась грушевидным силуэтом палеолитической Венеры.

– Вам помочь? – спросил за спиной заинтересованный мужской голос. Парень в синем джемпере присел на корточки и начал собирать всё, что рассыпалось. Хмыкнул, бросив взгляд на картинку, и вот уже протягивает всё это добро одеревеневшей от конфуза Натке. «Скажет хоть слово – убью. Или умру!» – думала она.

– Вот, возьмите, – сказал парень. – Я, кажется, в женский туалет зашел, извините.

– Это я перепутала дверь, – Натка «отмерла» и даже смогла взять своё барахлишко из рук парня: «А он ничего, симпатичный!»

– Да? Забавно! А меня Гена зовут. А вас?

– Наталья, – бросила на ходу Натка, плюнув на остатки приличий и рванув в женский туалет. Стресс прошёл, и терпезу уже совсем не осталось.

Потом, в общаге, она рассказывала об этом казусе девчонкам, те хохотали и обещали вручить ей приз за самое романтическое знакомство года. А на следующий день Генка подсел к ней на лекции по эстетике. Оказывается, они слушали эту лекцию в одном потоке. И учились на одном факультете. Только специальности у них были разные и жили они в разных общагах. К концу второй пары – лекции были сдвоенными – Генка пригласил Натку на фильм «Чучело» в Дом ученых.

Дом учёных располагался в бывшем особняке томского генерал-губернатора, выглядел роскошно и дореволюционно-респектабельно, как в каком-нибудь кино про дворян. Натка чинно, по-дворянски, прогулялась по анфиладе комнат, аристократически напилась соку в буфете. И уже к концу второй серии отчаянно захотела в туалет. Идти туда постеснялась – что Генка про неё подумает! – и решила дотерпеть до общаги. Ехать-то всего три остановки трамваем!

Но, как на грех, трамваи куда-то подевались, а у Генки случилось настроение прогуляться. Натка гуляла марафонской ходьбой – счёт пошел на минуты! А Генка нёсся следом и удивлялся, куда девушка так торопится? И когда терпеть не осталось почти никакой возможности, Натка махнула рукой на репутацию и романтику и призналась: в туалет. И тогда Генка завел её в какую-то кафешку, и Натка решила свою проблему и окончательно избавилась от комплексов по этому поводу. Генку, по крайней мере, перестала стесняться.

Звонок телефона подбросил Натку с места – Генка! Наконец-то! Она кинулась к трубке, уронив альбом. Звонила свекровь.

– Здравствуй, Наташенька. Что-то Гена долго нам не звонит. У вас всё в порядке?

– Здравствуйте, Ангелина Фёдоровна, – как же некстати! Придётся врать.

– У нас всё хорошо. Гена по делам уехал из города на недельку. Как перезвонит, я напомню, что вы беспокоитесь.

Натка врала ещё пару минут, потом попрощалась. А что делать? Говорить Генкиной матери, что муж её бросил и ушел к другой? А потом выслушивать охи и поучения, как надо было за ним ухаживать и как его теперь вернуть? Нет уж, пусть Генка сам все расскажет своей мамочке. И сам выслушивает её комментарии.

Ангелина Фёдоровна звонила из Саратова, вместе с мужем Альбертом Васильевичем и младшей Генкиной сестрой Оксанкой они уехали туда четыре года назад, вернувшись, наконец, в город, откуда уехали на Север за «длинным рублём». Генка ещё студентом рассказывал Натке эту историю: измученные безденежьем родители уехали на Север на три года по контракту, чтобы подзаработать, да так и остались на двадцать пять лет. Затянул Север своими просторами, чистотой, спокойствием. Да и рубль действительно оказался «длинным». За три года хороших заработков и строжайшей экономии они собрали столько денег, что смогли заплатить за «Жигули»-«копейку», на которую как раз подошла очередь в Саратове, построить для неё гараж, купить новый спальный гарнитур в саратовскую квартиру и почти полгода жить вчетвером, с двумя детьми, ни в чём себе не отказывая. А потом они снова вернулись на заработки.

У Генкиных родителей вошло в привычку копить и откладывать на «настоящую» жизнь. Когда Генка привёз Натку на Север в родительский дом (считалось, что на два года – мол, скоро уедем, вам всё оставим), она просто оторопела от привычки копить, доведённой до абсурда. Первое, что сделали Генкины родители, это завели тетрадочку, куда записывали все расходы и требовали, чтобы половину денег вносили они с Генкой. Всё бы ничего,

но их никто не спрашивал, когда деньги тратились. Их просто поставили перед фактом: с вас – столько-то. Они только-только начали зарабатывать, пока ещё без северных надбавок. Натке, которая устроилась во вневедомственную охрану на сто двадцать рублей, так хотелось купить себе новую блузку! Но пришлось ждать целый месяц, пока купила. Их с Генкой авансов в обрез хватило на оплату по длинному списку от родителей: шесть десятков яиц, пять банок кильки в томате, два ящика маринованных огурчиков, ящик тушёнки, шесть кило курятины и так далее. Продукты свёкор со свекровью закупали впрок ещё до их с Генкой приезда, но они ведь тоже будут всё это кушать! Значит, расходы пополам.

Свекровь скрупулезно собирала копеечку к копейке. Она работала учителем начальных классов и приносила из школы остатки хлеба (покусанный – на сухарики, целый – на стол), гарнир и котлеты (дети не пришли на обед, что же пропадать-то будет!). Она не выбрасывала ни кусочка и старалась любые остатки пустить в ход. Однажды потушила картошку на отваре, оставшемся от говяжьих почек. Ну как это – выливать отвар? Варёво так воняло мочевиной, что есть отказался даже привычный ко всему свекор. В конце концов, Натка готовку для них с Генкой взяла на себя. Варила борщи, жарила рыбные котлеты, пекла пироги с курицей и картошкой. И продукты покупала в основном за их с Генкой счет. А его родители твердили, что она готовит тяжёлую нездоровую пищу и варили себе овсянку на воде, делали салат из одуванчиков, доедали школьные котлеты и честно вносили в общий бюджет половину стоимости соли, масла и крупы.

За девятнадцать лет жизни на севере Генкины родители скопили сорок две тысячи рублей. По советским временам хватало на хороший домик где-нибудь на юге. Они даже в последний свой отпуск ездили приценяться, и даже домик им вроде понравился... Но сразу расстаться с накоплениями всей жизни духу не хватило, решили подумать ещё. А через два месяца после их возвращения деньги перестали быть деньгами. Всё, что успел купить на эти сорок две тысячи свекор, срочно вылетевший в Саратов – еще один гараж поближе к дому, новый холодильник, телевизор и микроволновку.

Потом Генкины родители ещё пять лет готовились к отъезду, дожидаясь от властей компенсаций и возмещения расходов на переезд. Потом год складывали в контейнер всё, что поместилось. Что не влезло, попытались продать сыну. Генка отказался, родители нашли других покупателей. И уехали. Наконец, в свой Саратов, оставив им с Генкой полупустую квартиру с древним холодильником, колченогим кухонным столом, облезлым ковром, продавленным диваном и очень хорошим пианино, на котором когда-то играла Оксанка. Пианино занимало слишком много места, чтобы везти его с собой. А купить его желающих не нашлось, пришлось «дарить сыну». Именно так – Натка как-то разговорилась с соседкой, та и пересказала, как свекровь хвасталась: «Вот, уезжаем, столько хорошего молодым оставляем в подарок».

Так что когда Генка с Наткой через пару лет затеяли переезд в Северск, они без сожаления бросили эту квартиру со всей рухлядью. Все равно дом деревянный, грибок траченный, за что тут держаться! Денег от их с Генкой ударной торговли хватило на квартиру в городе, на обустройство со временем заработали. А свекровь теперь звонила регулярно раз в месяц, сладким голосом спрашивала, как у них с Геночкой дела и приглашала в гости «на витамины».

Телефон опять заверещал, и Натка опять подпрыгнула. Генка! Нет. Из посёлка звонила Ирка, её лучшая душевная подруга. Теперь, когда Натка жила в Северска, виделись они не часто, хотя перезванивались и по возможности – она ли в районе в командировке, Ирка ли с оказией в городе – встречались.

– Натусь, привет! – частила в трубке подруга. – Как вы там? Я в пятницу вечером выезжаю, в субботу утром жди! Денег тратить зря не буду, целую, пока, приеду, поговорим!

Натка положила трубку и нагнулась за альбомом, собирая те снимки, что рассыпались. Ирка. Вот она на студенческой фотке. Это они после репетиций в клубе фотографировались. Дурачились, кривлялись. Молодые, веселые, искристые. Даже на черно-белой любительской картонке видно, как им тогда было хорошо. Вся жизнь впереди! Про свои нынешние тридцать четыре тогда думала – «пожилая».

А вот Ирка уже с Андрюхой. Сколько же они с Генкой хитростей придумывали, чтобы этих двоих подружить! Андрюха был Генкиным другом и одноклассником, они вместе приехали поступать в Томск из своего северного поселка, поступили и так и держались друг друга в чужом сибирском городе. Натка с Иркой, тоже обе приезжие из далёких южных республик, познакомились в начале первого курса в танцевальном кружке. Очень быстро подружились и тоже составляли друг другу компанию во всяческих важных девчачьих хлопотах. А когда у Генки с Наткой случилась любовь, и они занялись исключительно друг другом, Ирка и Андрюха оказались в ситуации третьих лишних.

Третьих лишних познакомили, они даже стали встречаться, но как-то вяло. На четвёртом курсе Ирка и Андрюха были свидетелями на Наткиной и Генкиной свадьбе. После института подруги разъехались, но через год Андрюха съездил в отпуск в Иркину республику, женился на ней и привез в их северный посёлок. «Ну, Натка, жить вам теперь с Генкой долго и счастливо», – сказала ей при встрече подруга. Примета такая есть: если свидетели женятся, то те, на чьей свадьбе они гуляли, никогда не разведутся. Что ж, долго работала примета, да, видно, иссякла.

Хорошо, что Ирка в субботу приезжает. А то одна она тут за выходные у этого телефона измаётся!

Глава 6

Видимо, организм приспособился к северному времени – в этот раз Натка не проспала. И на работу шла, не торопясь, и в кабинет зашла без минуты девять.

– О, Никитина, сегодня ты вовремя! – встретил её Прянишников. Молодец, поддаёшься дисциплине.

– Здравствуй, Кеша. Меняюсь под твоим чутким руководством, – посмотрела Натка ясным взором.

Она уже стала привыкать к его присутствию в кресле Нины Степновой, да и на работу шла в настроении не цапаться с ним, не нарываться. Толку никакого, Нина всё равно не появится. Она уселась на диванчик по соседству с незнакомой девчонкой, которая примостилась на самом краешке и постреливала по сторонам круглыми чёрными глазками.

– Во-во, продолжай в том же духе, меняйся. Кстати, знакомься, Лада Лата, – Кеша мотнул головой в сторону девчонки. – Как звучит, а? Молодая журналистка из Вымпела, просится к нам на стажировку. Прикрепляю её к тебе. Ты ж у нас теперь дипломированный специалист, давай, передавай мастерство.

Вымпелом назывался посёлок из области, райцентр. Значит, девушка оттуда и сразу на стажировку? Ну-ну.

– Кеш, а чего предавать-то, если ты меня уже неделю без сюжетов держишь?

– Ну, во первых, не неделю. А во-вторых, пойдёте сегодня с Ладой делать опрос. Тема: есть ли в стране секс.

– Ты хочешь сказать, это новость у нас сегодня такая будет? Что в стране секс появился? По-моему, этот опрос не для новостей, а Кедрачу в «Добрый вечер». Давай мы лучше спросим что-нибудь про зарплату. Тем более, что информация есть со статистикой, подводку нормальную можно сделать, про рост цен поговорить.

– Никитина, ты опять лезешь со своими комментариями? Мне нужен опрос на полторы минуты на тему секса. Тебя что, в твоей Москве не научили, что есть три темы, которые всегда интересуют людей: секс, смерть, дети? Секс в первую очередь. Так что вам с Ладой я даю наиважнейшее задание: сделать гвоздь сегодняшнего выпуска! Камеру берёте в двенадцать. Веду новости сегодня опять я, а сюжеты у нас такие...

Кеша быстренько раскидал темы. Открытие сезона золотодобычи, готовность к путине, проблемы городского автопарка и делегация бизнесменов из китайского города Сунь Фунь Хэ опять уплыли мимо Натки. Остался только секс.

– Ну и что мне с тобой делать, Лада Лата? – спросила Натка практикантку уже в своём кабинете. Она привела туда девушку после планёрки и усадила за стол декретницы Маруси Рюминой.

– Ты какими судьбами к нам на практику попала?

– У меня мужа сюда переводят, я у вас на телевидении работать хочу. Позвонила, попросилась, Иннокентий Яковлевич пригласил попробовать.

– Кстати, что за имя такое чудное – Лада Лата?

– Псевдоним. По паспорту я Гульсара Загиддулина.

– Тебе сколько лет?

– Двадцать

– Ты опросы когда-нибудь делала, Гульсара?

– Нет, никогда. Я криминальные репортажи делала с нашей поселковой милицией.

– А что, много криминала в вашем Вымпеле?

– Ну, сараи мальчишки подожгли на прошлой неделе. Квартиру одну обворовали. Водку фальшивую в ларьке продавали. Я про это в последнем выпуске криминальной хроники рассказывала.

– Вымпел-хроники... К людям на улице сможешь с микрофоном подходить и вопросы задавать?

– Смогу! А какие вопросы?

– Про секс, ты же слышала. Сформулируй пока, а я над сюжетом подумаю.

Делать тупой опрос совсем не хотелось. Может, раздвинуть тему, сделать сюжет не про секс, а про любовь? В роддом позвонить, спросить, кого и сколько рожают. В ЗАГСе узнать, разводятся больше люди или женятся? Решено! И Натка отправилась к Танечке Лемешевой за телефонами. Лемешева, пока вела свою передачу «Спроси у Тани» как раз обросла связями в ЗАГСе, роддоме, здравотделе и в прочих интересных гражданам заведениях. А у Натки в блокнотике кучковались все больше номера на тему недвижимости, предпринимательства и налогообложения.

– Тань, привет, ты не могла бы подсказать телефончики роддома и ЗАГСа? А то Иннокентий тему подкинул, а я не знаю, кому звонить.

– Записывай, – Лемешева полистала перекидной календарь на своем столе, продиктовала имена и номера. Продолжила прерванное Наткой занятие: бросила в кружку бульонный кубик и залила его кипятком. В комнате запахло грибами. И спросила, отхлебывая из кружки полученное:

– Что-то ты, Никитина, как приехала, всё никак ничего приличного сделать не можешь. Не получается, что ли, без Степновой ничего?

– Сделать приличное у меня, Таня, получается. У меня с Прянишниковым не получается договориться. Он темы мои другим журналистам раздает, а мне мелочёвку всякую подсовывает.

– Ой, да ладно тебе. Иннокентий суперпрофессионал, сразу видит, кто чего стоит. Знаешь, как отстаивал перед Пузановым мою передачу! Она ещё станет лицом эфира! Слушай, а может, ты будешь мне для неё героев искать, вопросы придумывать? Я тебе треть своих гонораров отдам. А что, на центральном телевидении так и делают, чтобы звезды, которые в кадре работают и делают лицо каналу, не отвлекались на мелочи!

– Тань, но у тебя же авторская передача. Значит, всё должен делать один автор. Так что спасибо за предложение, но ты как-нибудь сама.

– Как хочешь, – дернула плечиком Лемешева и опять отхлебнула бульону из кружки.

– Вкусненько как! Интересно, из чего его делают?

– Ох, Таня, из такого, что лучше тебе этого не знать, – не удержалась Натка.

– Никитина, ты как скажешь – весь аппетит пропадает! – поперхнулась Лемешева. – Прямо как мужик какой! Меня Горбач, пока с ним жила, такими же шуточками допекал, и ты такая же грубая и нетактичная! Как ты можешь, ты же женщина! Женщина не должна быть такой!

– А какой должна быть женщина? – Натке стало интересно. Может, и вправду, она неправильная женщина? Может, оттого и Генка ушел?

– Загадочная должна быть. Нежная. Мягкая. А ты – как мужик в женском обличьи!

– Гульсара, я похожа на мужика в женском обличьи? – спросила Натка практикантку, пока они шли вслед за оператором до ближайшего к студии людного перекрестка. Танечкины слова заделали всё-таки за живое.

– Не знаю... Вообще-то вы симпатичная... И сюжеты ваши мне всегда нравились, я в Вымпеле всегда новости смотрю. Они у вас какие-то другие, не такие, как у всех. У неко-

торых корреспондентов сюжеты похожи на сочинения, я иногда даже угадываю, что они дальше скажут. А у вас как-то так закручено, я прям удивляюсь.

– Спасибо, Гульсара, только давай ты не будешь мне выкать?

– Ладно, только и ты называй меня Ладой, хорошо?

– Хорошо. Так, Лада, начинаем работать. Сейчас Серёжа включает камеру, ты подходишь вон к тем симпатичным тётенькам и задаешь свой вопрос. Готова? Начали!

То, что им достался Серёжа Сомов, Натку радовало. Она обожала с ним работать, Сомов с полуслова, с одного кивка понимал, что от него требуется и самые «шедевральные» сюжеты у неё получались, как правило, в паре с Сомовым. Может, и теперь всё срастётся?

Сомов приладил на плече камеру, включил её, Гульсара-Лада подобралась, посерьёзна, сжала в руках микрофон, рванула к лавочке, где сидели две пожилые дамы лет шестидесяти... И проорала, тыча микрофоном в лицо дамы, что сидела правее.

– Здравствуйте, северское телевидение, программа новостей. Скажите, когда вы в последний раз занимались сексом?

Натка оторопела. Блин, она же не проверила вопросы! Что она несёт, эта Гульсара?

– Сексом? Что ты, деточка, какой секс! Это у вас, молодых, секс, а у нас проблемы одни. Пенсию, вон, повысили, а переоформить не могу. Такие очереди в Собесе, такие очереди! И лекарства подорожали опять.

– Так что, по-вашему выходит, у нас в стране секса нет? – не унималась практикантка.

– Как же нету? Есть, наверное. Как же без сексу-то. Вон, внучек у меня родился. Андрюшенька! – расплылась в улыбке счастливая бабушка и Натка перевела дух. Обошлось!

– Слушай, Лада, ты классные вопросы придумала, но давай сделаем их менее... экстремальными. Не надо так в лоб! – попросила она, когда Лада отстала-таки от пенсионерок и хищно оглядывала прохожих – искала следующих собеседников.

– Да? А мне Иннокентий Яковлевич помогал их составлять, – удивилась практикантка.

– Ну раз Иннокентий Яковлевич... Хотя, может, всё-таки попробуешь спросить по-другому? Например: «Смущает ли вас слово «секс»? Или «Сняты ли, на ваш взгляд, в нашей стране, запреты на тему секса»? Как-нибудь так, помягче, ладно?

– Ладно, – кивнула Лада, повертела головой и ринулась к следующей жертве. Высокой пышной даме лет сорока пяти с начесом и отделанном норкой плаще.

– Телекомпания «Северск». Скажите, вас смущает секс?

– Что??? – вытаращилась на Ладу дама, и тут Натка её узнала. Рая Ненашева, звезда телеканала «Товарищ»! Ё-клмн...

– Ну, вы сняли запреты на тему секса? Когда вы в последний раз сексом занимались? – практикантка Гульсара высыпала на даму все вопросы разом, тыча микрофоном в полуоткрытый рот обалдевшей Ненашевой. Камера за спиной Лады-Гульсары тряслась мелкой дрожью. Сомов, который тоже узнал Ненашеву, изо всех сил старался не заржать в голос.

– Так, девушка, – Ненашева пришла в себя, и в её голосе зазвенел металл.

– Кто вас на меня натравил? Кто вам заказал эту провокацию? Вы хотите неприятностей? Я вам их устрою! Сейчас же выключите камеру и уберите микрофон!

– Раиса Сергеевна, извините, пожалуйста, это недоразумение, – Натка уже отгаскивала от Ненашевой растерявшуюся практикантку.

– Сережа, убери камеру. Простите нас, девушка практикуется, она с вопросами напутала и вас не сразу узнала! Ради бога извините, мы не хотели никого обижать!

– Практикантка? – смерила Ненашева взглядом притихшую Ладу, – Не там, девушка, практикуетесь. На этом, с позволения сказать, телевидении, вас только и будут учить, что подобным гадостям. Вы лучше к нам приходите.

– Ната, а можно, ты сама закончишь опрос? Я все вопросы позабыла, у меня поджилки прям трясутся, – попросила Лада, глядя вслед прямой отороченной норкой спине удаляющейся Ненашевой.

– Ладно, давай микрофон, – вздохнула Натка, поискала взглядом и, заметив двух девочек лет шестнадцати, скомандовала:

– Серёжа, работаем вон с теми подружками. Девочки, северское телевидение. Вы знаете, откуда берутся дети?

– Знаем, от секса мужчины и женщины!

– А вас смущает слово секс?

– Не-а, нам в школе объясняли, как презервативами пользоваться.

Так, теперь вон тот мужичок в коричневой куртке.

– Здравствуйтесь, северское телевидение. Как вы думаете, теперь в нашей стране секс есть?

– Что значит – теперь? Да он всегда был! У меня знаешь, сколько жен было? Три! И детей теперь четверо. Люблю я это дело.

Вон, парочка идет, славные какие.

– Ребята, северское телевидение. Извините за откровенный вопрос, но как вы относитесь к слову «секс»?

– Нормально относимся, хорошее слово, – пробасил парень, а девушка добавила:

– Мы поженились на прошлой неделе.

– Поздравляю, хорошего вам медового месяца!

Так, и на закуску вон тот импозантный дядька в полупальто.

– Добрый день, северское телевидение. Скажите, как по-вашему, секс в стране есть?

– Конечно, есть, девушка. Каждый день в этом убеждаюсь!

– В смысле?

– Роды принимаю каждый день, я врач-гинеколог. Размножается народ, так что с сексом все в порядке!

Натка отметила хронометраж реплики врача-гинеколога. Замечательный получится сюжет! Она поручила Ладе-Гульсаре дозвониться в ЗАГС и роддом, та собрала статистику. Народ охотно женился, особенно сейчас, по весне. И охотно рожал – только за последнюю неделю четырнадцать младенцев, восемь мальчиков, шесть девочек. Так, сейчас допишет закадровый текст и пойдет к Кеше подписывать.

Лада-Гульнара сидела за соседним Марусиным столом и из-за плеча подглядывала за Наткиным текстом. Опыт перенимала.

– Всем привет! – двери кабинета распахнулись, и на пороге показалась сияющая Маруся Рюмина. На руках она держала сияющего младенца – полугодовалую дочку Энни Мэй. Анечку.

– Ой, Марусенька! Привет, как хорошо, что ты зашла, – обрадовалась Натка. Оказывается, за месяц, что училась в Москве, она успела соскучиться по Рюминой. Маруся обладала одной замечательной особенностью. Она всегда со всеми ладилась, всегда была в ровном настроении, и рядом с ней всегда было хорошо и спокойно.

Натка с Марусей пришли на студию в одном «призыве», проходили пробы перед камерой одна за другой. Рюмину худсовет выбрал единогласно. При вроде бы совершенно заурядной внешности – крупноватый нос, мелковатые глаза, лицо а-ля Барбара Стрейзанд – Маруся обладала потрясающим магнетизмом, шармом, изюминкой. И потрясающей же улыбкой, которая моментально делала её красавицей.

Рюмину забрал в свою редакцию Федорчук. Он покровительствовал Марусе, играя в маститого наставника молодёжи и явно испытывая к обаятельной девушке не только про-

фессиональный интерес. Но Маруся сумела как-то так построить свои отношения с редактором, что он забыл про свой «плэйбойский» статус и просто учил её ремеслу и двигал её проекты в эфир. Маруся схватывала быстро, и очень скоро начала делать цикл передач из истории Северска. Поднимала архивы, использовала хронику, беседовала со старожилками и успела собрать шесть замечательных фильмов. А потом у неё случилась любовь с американцем Бобом Ростиным, Маруся забеременела, вышла за Боба замуж и родила ему – в Америку ездила рожать – замечательную девочку Энни Мэй. Анечку. Такую же лучистую, как и мама. Девочка у черноволосой Маруси (сказалась армянская кровь по маминой линии) и черноволосого Боба (сказалась кровь индейцев чероки) получилась удивительная. Сероглазая, блондинистая, спокойная и очень общительная. Вот и сейчас, стоило Натке её поманить, как Анечка охотно протянула к ней маленькие ручонки.

– Девчонки, можно я вам оставлю Анечку на пятнадцать минуток? Мне нужно сбегать к Федорчуку разобраться – какую-то там мне премию выдали на региональном конкурсе за мои фильмы. А с ней неудобно. Тяжелая! Я быстро.

– И совсем ты не тяжелая, – сказала Натка и перехватила поудобнее маленькое тельце, упакованное в яркий оранжевый комбинезон с симпатичным утенком во всю спину. Девочка пытливно и внимательно поглядела ей в глаза.

– Никитина, ты скоро будешь готова на монтаж? – заглянула в дверь режиссер Кира. Сегодня по выпуску дежурила она. – Через полчаса – твое время! Чья это у тебя такая кукла?

– Это Маруся попросила присмотреть. Сейчас, Кир, всё уже готово, через полчаса можно монтировать. Лада, – попросила Натка практикантку – сбегай к Прянишникову, попроси подписать текст.

Практикантка исчезла, режиссёр тоже, а Натка стянула с девочки шапочку – тепло же в комнате – и зарылась носом в тонкие лёгкие волосёнки. От макушки ребёнка пахло нежно, приятно и трогательно. Пахло так, что Натке вдруг захотелось прижать девчонку к груди крепко-крепко. И никому не отдавать. И от всех защищать. И понять, наконец, для чего она живет на этом свете. Как все-таки жаль, что она не уберегла свою беременность! И зачем она залезла тогда в этот дурацкий трамвай!

Натка отчётливо вспомнила, как открылись за спиной двери, как неловко повернулся и задел её плечом стоявший впереди работяга в брезентовой робе, как она потеряла равновесие и упала на спину, вывалившись из трамвая на остановку, под ноги пассажирам. И как потом резко потянуло внизу живота, и она ловила такси и ехала в женскую консультацию, и те уже оттуда отправляли ее на «Скорой» в роддом... Пятый месяц у нее был, сохранить плод не было никакой возможности. Если бы не этот случай, была бы у нее уже совсем большая девочка. Или мальчик. Натка тогда не смогла себя заставить спросить у акушерки, кого она не доносила в своем животе...

– Никитина, ты тут, говорят, младенцем обзавелась, – вошел в комнату Прянишников и вмиг разрушил ту связь, которую Натка почувствовала между собой и ребёнком. Следом протиснулась Лада Лата и застряла в дверях, не решаясь на виду у начальства пройти за стол. Кеша глянул внимательно на Натку, что-то такое заметил в её глазах и выдал:

– Хочешь такого же? Могу сделать! – и для начала сделал ребенку «козу».

– Кеш, ты что, от нашего сюжета про секс перевозбудился? Несешь, что ни попадя! – возмутилась Натка.

Анечка, как бы подтверждая Наткины слова, звонко расхохоталась, отмахиваясь от Кешиной «козы» и дрыгая ножками в оранжевых штанишках.

– А что, у меня дети хорошие получаются. Умные. Вон, Кешка-младший – классный папан. Так что в случае чего – обращайся!

– Обращаюсь. Сюжет подпиши, Кира уже на монтаж зовёт.

– Да подписал уже. Ничего так сюжетик сложился, умеешь работать, когда хочешь.

– Привет всем!– вошел в комнату Валера Кедрач, наткнулся на Ладугульсару – Пардон! – обменялся рукопожатием с Кешей и спросил, с интересом разглядывая практикантку:

– Натка, ты что, в моё отсутствие дитём обзавелась? Да каким симпатичным!

– Это ты про кого? – уточнила Натка.

– А? Про чудо твоё оранжевое!

– Это чудо не моё, а Марусино, оставила присмотреть на пятнадцать минут. А это, знакомься, Лада Лата, практикантка.

– Очень приятно, Валерий. Лада, а вы не могли бы мне сделать хороший сюжетик в программу «Добрый вечер»? Минут на пять? В какой теме вы специализируетесь?

– В криминальных хрониках поселка Вымпел и теперь вот, с Кешинкой подачи, в теме, есть ли секс на севере, – ответила за Ладугу Натка.

– Что, серьезно? – оживился Валера, – Лада, сделайте мнет про секс, классная тема!

– Ну, Никитина, что я тебе говорил? – поднял указательный палец Прянишников. – Классная тема, все будут смотреть твой сюжет. А ты не хотела его делать! Но я умею убеждать.

– Хвастаться ты умеешь...

Маруся уже давно унесла свою Анечку, Натка всю монтировала свой сюжет про секс. А руки её всё чувствовали тяжесть маленького подвижного тельца, ноздри как будто вдыхали нежный младенческий аромат. «Рожают народ, так что с сексом всё в порядке», – сказал в сюжете врач-гинеколог. И Натка поняла, чего она хочет. Она хочет ребенка.

Глава 7

Девочка была славненькая-преславненькая. Пухлые ножки, пухлые ручки в ямках и перевязочках. Карие, как у Генки глаза и его же чёрные волосики. Она смеялась беззубым ротиком и тянула к Натке ручонки. Натка взяла в руки маленькое теплое тельце и ощутила родной сладкий запах, от которого зашло сердце, кое-как справляющееся с волной огромной, всепоглощающей нежности и любви...

В дверь звонили и Натка в первые несколько минут не могла понять, где она, и куда исчезла её девочка. Сон был таким чистым, таким хорошим, что с ним не хотелось расставаться. Хотелось остаться вот так, под одеялом и вернуться туда, где ее ждет нежность и любовь.

– Иду, иду я, – крикнула она в сторону входной двери, откуда опять раздалось звонкое щебетание. Блин, как в лесу, в самом деле. Генке очень нравился звонок, который он раздобыл где-то на складах. Нажимаешь кнопочку, и он свистит длинной птичьей трелью. С утра пораньше – часы показывали семь утра – эти трели раздражали чрезвычайно. Выкинуть его, что ли, этот звонок к чёртовой матери? Поставить нормальный, как у всех, без воплей. Она накинула на плечи Генкин плед и поплелась к двери:

– Кто там?

– Нат, ну открывай скорей. Минут пять трезвоню. Сил уже нет стоять под дверью, – откликнулась Ирка. А, ну да, приехала с первым автобусом, точно, она же говорила.

– Привет, – чмокнула Натку подруга, бросила у порога сумку и, не разуваясь, помчалась в туалет. Шесть часов в дороге, не шутка, поди-ка, вытерпи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.